№ 32 2003

30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

Прошлое под арестом

Пора избавиться от иллюзий – смены строя в России не произошло. То, что произошло, – не создание нового государственного организма, а так – линька, смена вывески.

Самое яркое, пожалуй, свидетельство продолжения советской власти – ситуация с архивами. Казалось бы, если власть сменилась (энтузиасты даже утверждают, что произошла революция!), если новая власть осуждает (а на словах это так) преступления старого строя, то первейшая задача – расследовать эти преступления. Речь не идет обязательно о судебном расследовании.

Вполне достаточно эти преступления документировать, предоставить возможность исследовать документы прежнего режима – то есть открыть архивы.

Закрытость архивов (естественно, мотивируемая общественным благом) – одна из характерных примет тоталитарного строя. Эту закрытость Россия благополучно унаследовала от СССР в почти полном объеме.

Конечно, у каждой власти в каждой стране есть свои секреты, свой «скелет в шкафу» (по английской пословице). Но скажите на милость, зачем хранить в своем шкафу скелеты, спрятанные там предыдущими шкафовладельцами? Хочется быть наследниками старых преступлений?

* * *

С 1991 году у многих (в том числе и у исследователей-архивистов) был период эйфории. Вышел указ Ельцина о передаче на госхранение и рассекречивании всех документов, связанных с политическими репрессиями, появился закон об архивах, четко прописавший сроки секретности, – словом, было ощущение, что рухнули основы системы, существо которой блестяще выражено у И.Бродского: «Если не секретно, значит, недействительно».

Не тут-то было. Известное изречение гласит, что суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. К сожалению, необязательность распространяется не только (и не столько) на плохие законы.

Прошедшие годы (борьбы за исполнение принятых актов об архивах) позволяют сформулировать некоторые выводы. Но прежде выводов – несколько слов о сегодняшней ситуации.

* * *

Нельзя сказать, чтобы изменений не произошло вовсе. Целый ряд важнейших источников, прежде всего (и преимущественно) партийного происхождения, действительно введен (в той или иной степени) в научный оборот.

Ситуация с партийными документами довольно благополучная по двум причинам. Во–первых, почти всюду обошлось без перехода документов из рук в руки; почти везде партийные архивы были просто переподчинены и переименованы. Это обеспечило сохранность фондов. Во-вторых, партийные архивы строились – не во всем, но во многом – по тем же правилам, что и госархивы; дополнительной обработки дел не требовалось.

Отдельный вопрос – рассекречивание. Но об этом ниже.

Совсем иначе дело обстоит с ведомственными архивами, прежде всего ФСБ и МВД.

* * *

Одна из задач, которыми постоянно занимается «Мемориал», – увековечение памяти жертв политических репрессий. Вполне очевидно, что без работы с архивами, с архивно-следственными делами прежде всего, эту задачу решить невозможно. Несмотря на упомянутый указ, в подавляющем большинстве регионов России архивно-следственные дела хранятся по-прежнему в архивах ФСБ. (Отметим попутно, что, кроме архивно-следственных дел и дел фильтрационной проверки, никакие иные документы из ФСБ на госхранение не передавались вовсе.)

В некоторых регионах, похоже, управления ФСБ на указ просто не обратили внимания. В ряде регионов передача дел оказалась невозможной из-за отсутствия площадей и штатных единиц в госархивах. Наконец, в некоторых регионах передача дел остановилась, едва начавшись; и даже погоравривают, что было какое-то негласное распоряжение (чуть ли не самого президента) о прекращении передачи дел. И лишь в немногих регионах (по моим подсчетам, не более чем в десяти) дела реабилитированных переданы в государственные архивы. В результате в большинстве регионов вопросы увековечения памяти жертв репрессий и подготовки Книг памяти всецело зависят от благосклонности местного УФСБ и – при наличии оной – от компетентности сотрудников, которых отрядят готовить биографические справки. Проверить же эти справки реально невозможно, поскольку в архивы ФСБ исследователю попасть, мягко говоря, непросто.

Но это лишь часть проблемы. Предположим даже, что дела передаются на госхранение. Прежде всего, возникает проблема обработки этого фонда, поскольку из ФСБ не передаются ни описи фонда (которых, как правило, не существует), ни даже картотеки.

Следующий вопрос – сохранность документов. Дело в том, что при передаче на госхранение часть материалов из архивно-следственных дел изымается! Мало того, что спецслужбы уничтожили человека, теперь их преемники решают, что делать с теми немногими документами, которые от человека остались.

Процесс этот на сегодняшний день невозможно контролировать, и невозможно даже понять, существует ли какой-то регламент этих изъятий или здесь царит полный произвол.

Пример абсолютно бессмысленных изъятий я обнаружил в деле своего деда, расстрелянного в 1938 году. Когда я просматривал дело в начале 90-х годов, там в конце были подшиты запрос о местонахождении «бывшего эсера З.Г.Рачинского», направленный с Дальнего Востока в 1955 году, и ответ, сводившийся более или менее к тому, что можно уже не искать. Сейчас дело передано в ГАРФ, и ни запроса, ни ответа там нет.

Для подавляющего большинства дел невозможно установить, что, почему и сколько из них изъято; но даже если и удастся установить факт изъятия – невозможно привлечь к ответственности за такой вандализм.

Отмечу, что более цивилизованные сотрудники архивов ФСБ все же не изымают, а «закрывают» (упаковывают в конверты и зашивают) листы с информацией, не подлежащей, по их мнению, публикации.

Есть примеры других изъятий – не скажу, что осмысленных, но вполне сознательных. Речь о доносах и сообщениях «сексотов».

Многие люди с разной степенью искренности говорят, что эти изъятия законны, поскольку есть соответствующая оговорка в законе, запрещающая раскрывать имена информаторов. Здесь есть по крайней мере повод для сомнений, и дело не в «обратной силе» закона (хотя в эпоху террора доносчик был героем – взять хотя бы несчастного Павлика Морозова). Существеннее другое. Фактически во многих случаях и доносы, и сообщения стукачей были уголовными преступлениями – заведомо ложными обвинениями, повлекшими особо тяжкие последствия. Уничтожая такие документы, нынешние сотрудники ФСБ защищают действительных преступников и – с правовой точки зрения – сами становятся преступниками.

Отдельного обсуждения заслуживает тема доступа к архивно-следственным делам. Доводы, изобретаемые для ограничения доступа сотрудниками ФСБ, а нередко, к сожалению, и сотрудниками госархивов, разнообразны, но не убедительны.

Наиболее часто повторяемый довод – интересы потомков следователей и стукачей. Дескать, узнав имя следователя или доносчика, потомки жертв начнут мстить потомкам палачей. Или просто опубликуют имена доносчиков, а это травмирует их внуков.

Все это лукавство. Самые отпетые верховные палачи – Молотов, Ворошилов, Каганович, – о которых давным-давно было известно, что они палачи, благополучно дожили до старости, и на потомков ни их, ни Берии с Ежовым никто не покушался. (Кажется, в 1960-х годах Кагановича – или Молотова, – когда тот шел с бидончиком в магазин, узнал какой-то пострадавший пьянчуга и врезал ему; менты, впрочем, отпустили обоих, только с интервалом в 15 минут.)

И почему это мы должны скрывать доносчиков, которые – по доброй воле или со страху, но будучи на свободе – возводили напраслину на своих знакомых, когда информация о показаниях, выбитых пыткой, оказывается открытой и зачастую публикуется (порой с недоброжелательным комментарием)?

➢ с. 2

В НОМЕРЕ

Горькие острова с. 4–5

Жизнь казалась такой безоблачной с. 5

Чудо-доктор с. 6

Лагерные посиделки с. 7

АБВЕР–СМЕРШ с. 7

Ботики резиновые дамские с. 8

День Победы в ГУЛАГе

С легкой руки Александра Исаевича Солженицына аббревиатура ГУЛАГ прочно вошла в литературу и средства массовой информации.

ГУЛАГ представлял собой систему концентрационных лагерей, в которых содержалась огромная масса людей, как виновных в совершении уголовно наказуемых преступлений, так и невинных, формально подпадавших под статью Уголовного кодекса, а скорее, под секретные инструкции, исходившие от Политбюро и ЦК КПСС.

Иначе говоря, контингент заключенных ГУЛАГа состоял из так называемых бытовиков и политических.

«Посадки» по политическим мотивам проходили волнами, как говорят моряки: после бриза вдруг накатывает шторм, наводящий ужас на людей, застигнутых в море.

Как неожиданный шторм, грянула Отечественная война. В первые месяцы войны многим бытовикам сроки наказания были заменены отправкой на фронт. Большинство из них, по рассказам очевидцев, попало в армию маршала Рокоссовского.

Совершенно неподготовленные к военной службе, они несли большие потери.

Находясь в концлагере, в минуты раздумий, после отбоя перед сном я часто вспоминал рассказ В.Г.Короленко «Огоньки». «Как-то давно, – писал Короленко, – темным осенним вечером случилось мне плыть по угрюмой сибирской реке. Вдруг, на повороте реки, впереди под темными горами, мелькнул огонек, мелькнул ярко, сильно, совсем близко... Свойство этих ночных огней – приближаться, побеждая тьму, и сверкать, и обещать, и манить своей близостью. Кажется, что вотвот, еще два-три удара веслом, – и путь кончен. А между тем – далеко!..»

Рассказ вселяет надежду, что, как бы тяжела и тосклива ни была жизнь, надежда поддерживает ослабевший дух.

Надежда забрезжила в 1945 году. Приближался День Победы.

Советские войска сражались на подступах к Берлину. Среди зэков в бараках по вечерам оживились беседы.

Оптимисты утверждали, что День Победы многим принесет счастье – амнистию. Ссылались на высказывания вождя. Сталин якобы где-то заявил, что он объявит такую амнистию, которой мир не видел.

– «Ус» (так называли Сталина зэки) по характеру человек жестокий, – возражали другие, скептики, – и никакой амнистии не будет.

В лагере ходило много слухов, так называемых лагерных «параш».

Наконец по радио сообщили о победе над германским фашизмом и безоговорочной капитуляции вермахта.

В канун победного дня охрана усилила режим. Вечером устроили шмон, а утром, согнав заключенных на плац, – проверку по формулярам. Вахтенный гонг прозвучал, как обычно, в шесть часов утра. На работу вышло только несколько бригад, а остальным лагерное начальство объявило как бы выходной – банный день.

Многие поздравляли друг друга с Днем Победы, но без умиления и восторга.

Да и какой мог быть восторг у голодного, истощенного, затравленного человека, еле таскавшего ноги?

В годы войны осужденных по 58-й статье («врагов народа») на фронт не пускали, несмотря на многие просьбы. Правда, был случай, когда одному зэку после четырнадцатого обращения, посланного на имя М.И.Калинина, пришел положительный ответ, но тот человек оказался истощенным дистрофиком, и решение о замене срока заключения фронтом было отклонено.

Страна отмечала День Победы. Зэки со дня на день ожидали амнистии...

Месяца через два она была объявлена. По ней были освобождены дезертиры, мошенники, воришки, бытовики, у которых срок был до пяти лет.

Из политических никто не был амнистирован. Надежды не оправдались.

Жизнь в ГУЛАГе потекла, как и прежде, в тех же «угрюмых берегах», маня призрачными огоньками надежды – мечтой о свободе.

Одни дотягивали до заветного окончания срока, а другие доходили до мусорной ямы, из которой они выбирали остатки рыбьих хвостов и кожуру мерзлой картошки.

Вскоре после амнистии ворота ГУЛАГа широко открылись для новых этапов с зэками: советскими военнопленными, власовцами и жителями оккупированных в войну территорий. Сроки суды выносили безжалостные – 25 лет.

Так проявлялась «добрая воля» слуг народа, которых история пригвоздила к позорному столбу, назвала достойным именем – палачи.

В.ТИХОНОВ,
бывший узник ГУЛАГа

Спрашивайте «30 октября»в отделениях «МЕМОРИАЛА»: Абакан, Абезь, Айкино, Анадырь, Анжеро-Судженск, Апатиты, Аргун, Артем, Архангельск, Астрахань, Бабстово, Балашиха, Барнаул, Белгород, Бийск, Бикин, Биробиджан,

ЖИЗНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Дорогие друзья! От души поздравляем членов московского Объединения, чьи юбилеи приходятся на апрель 2003 года!

Со 100-летием
Галину Алексеевну Ромашевскую

С 95-летием
Александру Ивановну Баллод
Анну Яковлевну Кричевскую

С 90-летием
Николая Петровича Строилова
Клавдию Дмитриевну Щелкунову

С 85-летием
Антонину Михайловну Балину
Наталью Михайловну Введенскую
Марию Николаевну Михайлову
Ирину Сергеевну Мурзаеву
Марию Михайловну Самохвалову

С 80-летием
Розу Алексеевну Абрамову
Елену Георгиевну Батманову
Марию Прохоровну Гладкую
Анну Андреевну Евстратову
Нину Александровну Иогансон
Александру Лукиничну Казьмину
Олимпиаду Алексеевну Кудрявцеву
Агнию Васильевну Лапо
Елену Владимировну Маркову
Инну Максимовну Миронович
Яна Гавриловича Мозгова
Лидию Александровну Морозову
Нелли Николаевну Никольскую-Волконскую
Нину Николаевну Павлову
Раису Андреевну Пономареву
Клавдию Степановну Попко
Ирину Николаевну Рахманову
Галину Михайловну Рыкову
Нину Константиновну Ряховскую
Валентину Сергеевну Семенову
Викторию Андреевну Смирнову
Елену Дмитриевну Юшину

ДИСКУССИЯ О РЕПРЕССИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Прошлое под арестом

➢Написал и задумался – а стоит ли? Ведь достанет ума у ФСБ, скажут, правильно, надо и протоколы допросов закрыть, тоже травмируют разных потомков... Наша тайная полиция очень любит о морали рассуждать: со времен графа Бенкендорфа, которому император Николай Палыч вручил символический платочек – утирать слезы вдов и сирот. И чем гаже и лживее была тайная полиция, тем усерднее этим платочком прикрывалась.

Впрочем, в последнее время к рассуждениям о морали сотрудники ФСБ прибегают реже (быть может, понимая, что из их уст это звучит неубедительно), чаще ссылаются на якобы присутствующую в делах «личную тайну». С подачи ФСБ этот же довод иной раз приводится и в тех архивах, куда переданы архивно-следственные дела.

Конечно, грех законодателя: введя термин «личная тайна», не дать ему никакого внятного определения. Но все-таки законодатель не передал ни сотрудникам ФСБ, ни архивному ведомству право толкования закона – даже в части термина «личная тайна».

Однако Росархив на инструктивном уровне приравнял любые типы персональных досье к документам, содержащих «личную тайну», что является преступлением против истории и здравого смысла. Эта правовая бессмыслица легко может быть оспорена в суде, но никто ведь не идет в этот суд...

Нынешняя ситуация грубейшим образом нарушает одно из основополагающих прав – право на информацию. Исследователь не только не получает информацию, но даже не знает, какого она рода, и не может толком бороться с противоправными действиями.

Между тем цивилизованное решение вопроса совершенно несложно. Нарушением закона является не то, что я знаю чьи-то личные тайны. Нарушением будет лишь предание этих тайн гласности. В этом случае и наступает ответственность того, кто разгласил эти тайны. Все вопросы тогда могут совершенно спокойно решаться в суде, который хоть и медленно, но все-таки обретает независимость.

Я знаю пару примеров такого подхода: исследователь подписывает бумажку об ответственности за нарушение «личной тайны» и работает без чиновничьих рогаток. К сожалению, это редкое исключение, в большинстве же случаев все происходит в духе нынешних свобод: «без предварительной цензуры, но с предварительным арестом». Собственно, если логику ФСБ и Росархива чуть-чуть продолжить, то надо немедленно запретить продажу сахара из-за угрозы самогоноварения. Можно далеко уехать с такой «профилактикой правонарушений».

Пока же все эти надуманные ограничения доступа приводят к тому, что работать с делами и готовить Книги памяти становится чем дальше, тем сложнее, а о полномасштабных серьезных исследованиях истории и механизмов репрессий остается только мечтать.

* * *

Отдельно пару слов о «рассекречивании». Как говорится, «со времен Суворова все в России делается через Альпы». Законом о государственной тайне установлен максимальный срок секретности – 30 лет. По некоторым темам, перечисленным в указах президента, – этот срок увеличен до 50 лет, а максимальный срок ограничения доступа (не засекречивания!) – 75 лет – предусмотрен архивным законодательством как раз по делам, содержащим «личную тайну».

Впрочем, и это еще не предел. Оказывается, самое святое, самое сокровенное, что есть в нашем Отечестве, – это сведения об агентах КГБ, СВР, МВД. Для них срока вообще нет! Это – по закону! – вечная тайна!!!

Но бог с ними, оставим правительству его стукачей, вернемся к теме нашего рассмотрения. Информация о стукачах концентрировалась в оперативных разработках, нас же они интересуют далеко не в первую очередь. Для увековечения памяти жертв, для изучения механизмов репрессий куда важнее архивно-следственные дела и приказы НКВД и его подразделений.

Попадаются наивные люди, считающие, что дела 1922, например, года они в любом архиве получат без всяких сложностей. Ха-ха, скажет более опытный человек, еще 75 лет пройдет, пока это дело пройдет через комиссию по рассекречиванию. Этот чисто российский феномен трудно объяснить даже соотечественнику, что уж об иностранцах. Чтобы ЗАКОН (!), принятый Государственной Думой по всем правилам и регламентам (!!), начал действовать в отношении одной конкретной бумажки (!!!), для которой он вроде бы по тексту, смыслу и духу закона и так действует (!!!!), должна собраться и принять решение специальная комиссия !!!!! Тут уж действительно нет слов, одни выражения...

Можно допустить, что какие-то случаи требуют исключений, – казалось бы, это и должно быть предметом для рассмотрения комиссии. Так, мол, и так, начался новый год, надо рассекречивать дела 1973 года; все мы передали в открытое хранение, а относительно данных документов необходимо специальное рассмотрение (как при реабилитации – если сотрудник прокуратуры считает, что данный человек реабилитации не подлежит, то пишет мотивированное заключение и направляет в суд, и только суд может принять решение об отказе в реабилитации). На деле ситуация обратная. Увы, как и при прежней власти, стремление к засекречиванию доходит до полного идиотизма.

Это и наводит на мысли о том, что власть, в сущности, та же самая. Чужие секреты так ревностно не берегут...

* * *

Закончу тем, с чего собирался начать.

Разбирая завалы бумаг, накопившихся за последний год, я наткнулся на сообщение из Мексики:

20.06.2002 Мексика открыла архив политических репрессий для свободного доступа.

Президент Мексики Висенте Фокс (Vicente Fox) во вторник торжественно объявил открытыми для свободного доступа около 80 миллионов ранее засекреченных документов, в которых содержится информация о политических репрессиях за период с 40-х и до конца 80-х годов. Это произошло через неделю после того, как он подписал закон о свободе информации, согласно которому государственные учреждения обязаны предоставлять копии незасекреченных документов в течение 20 дней по запросу любого гражданина страны. Церемония проходила в старой мексиканской тюрьме Lecumberri, которую называли «Черный дворец». В этой тюрьме содержались политические заключенные. Теперь там находится Национальный архив. «Документы политической полиции больше никогда не будут скрыты, и доступ к свидетельствам о нашем страшном прошлом не будет запрещен», – заявил министр внутренних дел Саньтьяго Крил (Santiago Creel). В архиве содержатся документы, выпущенные с 1940 по 1984 год министерствами юстиции, обороны, Национальным институтом миграции (National Migration Institute) и несколькими другими учреждениями, некоторые из которых уже не существуют. В документах содержится информация о трех миллионах человек (Лента.ру).

Все, оказывается, разрешимо. И можно без всяких специальных комиссий открыть доступ к документам, гораздо более «свежим», чем те, из-за которых идут баталии в нашем Отечестве, и не бояться при этом мести (хотя вряд ли мексиканцы более флегматичны, чем жители нашей средней полосы).

Остается лишь завидовать и надеяться, что когда-нибудь и Россия станет не менее цивилизованной страной.

Во всяком случае, стать цивилизованной страной невозможно, не зная собственного прошлого, не имея возможности изучать его в полном объеме, без цензуры спецслужб и пропагандистского глянца. Только взятое во всей трагической противоречивости прошлое дает возможность судить о причинах и последствиях, позволяет строить будущее с учетом реального опыта.

Урезанная картина прошлого – благодатная почва для разного рода махинаций и подтасовок, для новых попыток социальных экспериментов.

Интересы стабильности государства требуют открытия архивов, уделения особого внимания историческим исследованиям и широкого обсуждения проблем прошлого.

Есть ли такое понимание у нынешних властных структур – бог весть. На всякий случай пошлю эту статью президенту. А копию – в спортлото.

Ян РАЧИНСКИЙ

ОНИ ПРИХОДЯТ ВАМ НА ПОМОЩЬ

Л.А.Казарина

И.П.Левтонов

Н.Э.Краснова

Р.М.Бычкова

Общественная организация инвалидов, жертв и пострадавших от политических репрессий (ООИР) ЮАО Москвы является коллективным членом Объединения лиц, пострадавших от политических репрессий московского «Мемориала», и работа нашей организации, направленная на помощь пожилым людям и инвалидам, осуществляется в тесном контакте с Объединением и при постоянной его поддержке.

В нашей организации 761 человек, их средний возраст – 70 лет. (Есть у нас и долгожители – 21 человек в возрасте от 90 до 96 лет.)

Помощь членам нашей организации осуществляется благодаря тесной связи с Центром «Сострадание» (руководитель Центра Е.В.Джирикова).

Сотрудники Центра по нашей просьбе оказывают патронажную помощь одиноким пожилым людям: направляют квалифицированных медсестер к ним на дом, убирают квартиры, покупают продукты и готовят пищу.

В прошлом году Центр «Сострадание» подарил неходячему инвалиду инвалидную коляску, что позволило ему летом «выходить» на улицу.

Ко Дню инвалида Центр предоставил лекарственные средства, которые через наших кураторов были распределены по муниципальным районам, а также бесплатные услуги прачечной самообслуживания.

Члены нашего Общества искренне благодарны сотрудникам Центра за их постоянную и бескорыстную заботу.

В.К.Куликовский

Московский «Мемориал» осуществляет лечебно-санаторное обслуживание (по бесплатным путевкам) членов нашей организации в лечебных учреждениях Подмосковья: Луневе, Быкове, Новом Иерусалиме.

Для наших внуков Московское правительство через «Мемориал» выделило путевки в детский клинический санаторий в Евпатории, где, кроме отдыха и лечения, дети учатся по школьной программе.

Фирма «Квелле» при участии московского «Мемориала» в короткие сроки бесплатно обеспечила десять инвалидов, членов нашей организации, зимней и летней ортопедической обувью. В 2003 году прием заказов будет продолжен.

Не забываем мы и о культурно-массовой работе: организуются бесплатные (или по льготной цене) посещения театров, кино, концертных залов, музеев, балетных спектаклей в Кремлевском Дворце, вечеров встреч.

Эта услуга пользуется большим успехом у театралов, которых довольно много в нашей организации. В 2002 году более 600 билетов было распространено в ЮАО среди членов нашей организации.

Книги памяти жертв политических репрессий, расстрелянных на Бутовском полигоне и в «Коммунарке», и компакт-диски с именами расстрелянных, бесплатно переданные московским «Мемориалом», помогают обратившимся к нам получить информацию о своих родных и близких, погибших в годы террора.

Префектура ЮАО и Управы муниципальных районов в 2002 году оказали членам нашей организации благотворительную помощь. Эта помощь включала: денежные пособия (сто человек получили по 300 рублей); предоставление дачных помещений на лето 2002 года на льготных условиях; раздачу продуктовых и кондитерских наборов; обеды по случаю праздников 23 февраля, 8 марта и памятной даты 30 октября; бесплатные талоны на хлеб, молоко, на ремонт обуви, химчистку, посещение парикмахерских и многое другое.

Следует отметить также и помощь, которую оказывают нам коммерческие организации. Так, Коломенский колбасный завод еженедельно обслуживает по 10 человек, которые приобретают мясопродукты по низким ценам в фирменном магазине завода.

Коммерческая организация «Европродукт» предоставила всем желающим членам ООИР ЮАО возможность приобрести моющие средства по символическим ценам.

Деятельность нашей общественной организации получила положительную оценку руководства Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Помимо помощи пожилым людям, ООИР занимается и работой с молодежью, направленной на сохранение связи поколений.

Так, вместе с сотрудниками московского «Мемориала» члены нашей организации принимали участие в работе конкурса «Человек в истории. Россия – XX век». Они, люди, прошедшие сталинские лагеря и на себе испытавшие тяжесть репрессий, читали и оценивали работы ребят, присланные на конкурс. Следует отметить, что рефераты отличались серьезным подходом к раскрытию и широтой диапазона выбранных тем.

Экскурс в историю и современность дает ребятам богатую пищу для размышлений, заставляет задуматься о связи времен, которая будет тем прочнее, чем теснее будет связь поколений.

Владимир КУЛИКОВСКИЙ, председатель ООИР, координатор Общества «Мемориал» ЮАО

В.В.Мягкова

Е.Ф.Федосеева

Л.А.Петрова

О.Ф.Дровенкова

РЕГИОНЫ

Бывшее здание Севжелдорлага. Котлас, 1999 г. Фото И.Дубровиной

«СОВЕСТЬ» СОТРУДНИЧАЕТ С «СЕВЕРНЫМ ТРЕХРЕЧЬЕМ»

Уже во второй раз в Котласе прошли межрегиональные общественно-научные, историко-краеведческие Стефановские чтения «Проблемы истории Северного края». Чтения были организованы Котласским историко-просветительским общественным движением «Северное Трехречье» (коллективным членом которого является КИПОД «Совесть», ассоциированный член Ухто-Печерского «Мемориала») при поддержке администраций муниципальных образований «Котлас» и «Котласский район». Председатель оргкомитета – заместитель председателя общественного движения «Совесть» Николай Шептяков.

На открытии присутствовало 120 человек, приехавших из Архангельской области и из Великого Устюга Вологодской области. С приветствиями и напутствиями выступили глава района Николай Неронов и заместитель главы города Людмила Данилова. Тепло было встречено присланное из Москвы поздравление из Союза краеведов России, подписанное академиком С.Шмидтом и доктором исторических наук В.Козловым.

Докладчики: кандидаты исторических наук, аспиранты и студенты, краеведы из Архангельской области, Карелии, Вологды, Кирова, Сыктывкара представляли Петрозаводск, Сыктывкар, Архангельск, Вологду, Киров, Коряжму, Вельск, Верхнюю Тойму, Красавино, Котлас и Котласский район.

После пленарного заседания работали три секции по темам: «История северного крестьянства и репрессии на русском Севере», «Культура русского Севера» и «Музей как центр краеведческой работы».

Как и в прошлый раз, одним из центральных выступлений стал доклад, подготовленный членом движения «Совесть» Татьяной Мельник (г. Архангельск). Ее доклад был посвящен Котласскому сельхозлаготделению ГУВС МВД СССР в 1950–1951 годах.

Исследовательница использовала рассекреченные в 1993 году, но до сих пор не изученные материалы прокурорских проверок, которые она обнаружила в ГААО. Эти материалы содержат сведения о количестве заключенных; распределении их по характеру преступлений, по категориям состояния здоровья; смертности; сведения об условиях их труда и быта. Они дополняют и впервые документально подтверждают многие факты из истории Котласлага.

С содержательным сообщением на тему «История котласского общества "Совесть"» выступила его председатель Ирина Дубровина. В связи с десятилетием самостоятельной работы Общества она подробно осветила направления деятельности организации и ее достижения. Темой сообщения Галины Сергеевой (активистки общества «Совесть» и автора двух книг по теме репрессий) стало «Строительство железнодорожного моста через Малую Северную Двину в 1941–1943 годах».

Сообщения основывались на материалах архива КИПОД «Совесть». Кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Поморского государственного университета Николай Упадышев представил доклад «ГУЛАГ и железнодорожное строительство на Архангельском Севере с 1930 по 1953 год». Аспирант Кировского университета Андрей Семенов раскрыл тему «Выработка политики раскулачивания советскими и партийными органами Кировской области в 1930 году».

Сразу после окончания чтений оргкомитет приступил к подготовке сборника материалов, который выйдет под традиционным названием «Двинская земля». В нем будет пять разделов, оди н из них почти целиком будет посвящен репрессиям на Севере.

Перед началом чтений желающие посетили Мемориальное кладбище «Макариха». Для участников чтений была также организована экскурсия в древний Сольвычегодск, где они попали на выставку, приуроченную к 50-летию смерти И.В.Сталина, который дважды отбывал здесь ссылку. Выставка называлась «Великий Сталин». Ее устроители представили извлеченные из запасников старые пропагандистские материалы. Получилось странное для сегодняшнего дня прославление диктатора. В журнале отзывов многие посетители оставили хвалебные отзывы об этой экспозиции. Бывший музей политической ссылки сейчас переименован в музей Сталина.

Таковы контрасты нашей жизни, подчеркивающие актуальность работы общества «Совесть».

Ирина ДУБРОВИНА, Николай ШЕПТЯКОВ

Работа Вторых межрегиональных Стефановских чтений освещалась в № 13 Вестника Международного общества «Мемориал».

Мемориальное кладбище «Макариха». Котлас, 2001 г. Фото И.Дубровиной

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Новый Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) был введен в действие с 1 февраля 2003 года. С этого же времени прекращено действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР (ГПК РСФСР), принятого еще в 1964 году, за исключением глав 34, 35 и 36, определяющих порядок обжалования и опротестования судебных решений и определений и судопроизводства в кассационном порядке и в порядке надзора. Полностью ГПК РСФСР утрачивает силу (т.е. перестает действовать) с 1 июля 2003 года.

Дела, находящиеся в производстве судов общей юрисдикции и не рассмотренные до 1 февраля 2003 года, должны рассматриваться и разрешаться с 1 февраля 2003 года уже по нормам ГПК РФ. Не рассмотренные до этого срока протесты, принесенные в кассационном и надзорном порядке, должны быть рассмотрены по нормам ГПК РСФСР, но не позднее 1 июля 2003 года.

Новый Гражданский процессуальный кодекс

В ГПК РФ содержится ряд существенных изменений по сравнению с ГПК РСФСР. В частности, установлены четкие сроки на все процессуальные действия не только для участников судебного спора, но и для самого суда: срок принятия судьей решения о рассмотрении заявления или его возврате – 5 дней со дня поступления заявления в суд. Рассмотрение и разрешение дела в суде первой инстанции – до истечения 2 месяцев со дня поступления, во всех судах второй (кассационной) инстанции, кроме Верховного суда РФ, – не более месяца, а в Верховном суде РФ – не более 2 месяцев.

При обжаловании решений в порядке надзора для всех судов установлены четкие раздельные процессуальные сроки: для возвращения жалобы без рассмотрения по существу в связи с нарушением требований к ее содержанию – 10 дней. Для рассмотрения жалобы по существу и определения необходимости истребования дела – не более месяца. Для проверки истребованного дела и принятия решения о передаче дела с жалобой на рассмотрение в суд надзорной инстанции или об отказе в передаче дела в суд надзорной инстанции – не более 2 месяцев. Для рассмотрения дела в суде надзорной инстанции – не более месяца. При рассмотрении надзорной жалобы в Верховном суде РФ все указанные сроки удваиваются, кроме 10-дневного срока на возврат жалобы без рассмотрения.

В ГПК РФ установлен предельный годичный срок для обжалования в порядке надзора судебных решений, вступивших в силу. Этот срок исчисляется со дня вступления в силу оспариваемого решения. Обращаю на это особое внимание, потому что в прежде действовавшем ГПК РСФСР срок для обжалования в порядке надзора вступивших в силу решений ничем не ограничивался.

Поэтому надо иметь в виду следующее: если вы не согласны с вступившим в силу решением по вашему делу, следует учесть постановление пленума Верховного суда РФ (№ 2 от 20 января 2003 г.), в котором сказано, что срок подачи надзорной жалобы или представления прокурора на судебные постановления (решения), вступившие в законную силу до 1 февраля 2003 года, необходимо исчислять с 1 февраля 2003 года. При этом не имеет значения, какой реальный срок прошел с того времени и было ли оно уже безуспешно обжаловано в порядке надзора. Причем это обжалование надо начинать соответственно с президиумов судов автономного округа, автономной области, суда города федерального значения, областного, краевого судов, Верховного суда республики. К жалобе необходимо приложить надлежащим образом заверенные копии решения суда первой инстанции и определения кассационной инстанции (если спорное решение было обжаловано в кассационном порядке) и соответствующее количество копий жалобы по числу участников в вашем споре. А поскольку наши обращения в суд связаны с решением вопросов, вытекающих из применения закона «О реабилитации жертв политических репрессий», то в конце жалобы надо просить суд об освобождении от уплаты госпошлины. Также обязательно надо просить о возврате вам всех приложенных к жалобе документов при отклонении жалобы.

Вместо раздела ГПК РСФСР об обжаловании действий государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан, с которыми, как правило, и обращались в суд жертвы политических репрессий, в ГПК РФ введен подраздел: «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений», которые охватывают в числе прочих и заявления об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих. Основанием для таких обращений в суд являются действия, в результате которых нарушены права и свободы гражданина; созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод; на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность или он незаконно привлечен к ответственности. Срок для обращения в суд с заявлением – 3 месяца со дня, когда стало известно о нарушении прав и свобод.

При удовлетворении заявления судья принимает решение обязать соответствующий орган или должностное лицо полностью устранить допущенные нарушения прав и свобод (см. статьи 254-258 ГПК РФ).

Хочу еще раз обратить внимание на необходимость поспешить с обжалованием в порядке надзора решений, вступивших в законную силу до 1 февраля 2003 года, потому что годичный срок на обжалование в порядке надзора распространен на последовательную подачу (при необходимости) жалобы во все инстанции, включая Верховный суд РФ. Поэтому и установлены строго ограниченные сроки на все судебные процедуры для судей, рассматривающих ваши заявления и жалобы. Полагаю, что при задержке рассмотрения вашего обращения более установленного срока (плюс 10–20 дней на доставку почты) появляется основание обратиться в следующую инстанцию с соответствующим мотивированным заявлением (жалобой), указав при этом, что рассматриваете это превышение установленного ГПК срока как отказ. Не забудьте истребовать все документы, приложенные к тому заявлению (жалобе).

Пожалуй, это все, что необходимо знать на первых порах.

Ольга Ноевна КОСОРЕЗ

Информация:
Юрист-консультант «Мемориала» Галина Владимировна Осадчук ведет прием по вопросам реабилитации и льгот, вытекающих из применения закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».
Дни и часы приема:
Понедельник с 16.00 до 20.00, Пятница с 10.00 до 14.00.
По средам с 16.00 до 20.00 прием назначенных ранее посетителей.

С 16 мая 2003 года юрист-консультант О.Н.Косорез будет вести прием по вопросам, вытекающим из применения закона «О реабилитации жертв политических репрессий» по адресу: Москва, ул. Флотская, д. 78, стр. 1, кв. 3. Проезд: от метро «Водный стадион» на автобусе № 70 до конца (маршрут короткий). Почтовый адрес прежний: 119331, Москва, а/я 41, ГБЦ «Сострадание». Телефон: 771-0203.

Юристы Тулы знакомятся с экспозицией «Мемориала»

Выставочная экспозиция по истории политических репрессий в Тульской области в 1917–1987 годах была подготовлена тульским «Мемориалом» совместно с тульским областным историко-архитектурным и литературным музеем. По материалам выставки тульский «Мемориал» выпустил брошюру под названием «Нам только правда очищает души» – строка из стихотворения Татьяны Кузовлевой.

В настоящее время экспозиция демонстрируется в тульском филиале Московского университета МВД России (с середины 2002 года она демонстрировалась в выставочных залах города).

Руководитель проекта – председатель Правления тульского «Мемориала» С.Л.Щеглов, координаторы – В.И.Родина, Р.И.Колтачук, Е.В.Васильева, художник – А.С.Журин.

Открытие выставки сопровождалось лекцией С.Л.Щеглова. Эта лекция под названием «Как делили народ на две категории» посвящена пику политических репрессий в 1937–1938 годах.

Офицеры и сотрудники учебного заведения с интересом прослушали лекцию и ознакомились с экспонатами выставки. Теперь на выставку приходят студенты. Им предстоит факультативно прослушать цикл лекций общества «Мемориал» по истории репрессий в Тульской области.

Начальник филиала университета доктор юридических наук Николай Шурухнов поддержал сотрудничество юристов с «Мемориалом» в изучении истории права в России и дополнил тему материалами собственных исторических изысканий.

Кроме того, достигнута договоренность о том, что студенты старших курсов будут давать в приемные дни тульского «Мемориала» бесплатные юридические консультации всем нуждающимся.

Эта работа проводится в рамках Тульского регионального историко-просветительского выставочно-лекционного центра.

Кроме выставочной деятельности, тульский «Мемориал» стал инициатором создания регионального просветительского выставочно-лекционного центра в рамках проекта Международного «Мемориала» «Просветительская деятельность в области прав человека в России "Опыт прошлого – уроки настоящего и будущего"». Центр действует на базе тульского областного отделения «Мемориала». Руководитель проекта – С.Л.Щеглов. В задачи центра входит помощь образовательным организациям и учреждениям Тульской области в историческом просвещении населения, и в первую очередь молодежи, в вопросах соблюдения прав человека, развития принципов демократии и реального действия закона в России.

Установлены связи с департаментами образования и культуры области, Тульским филиалом Московского университета МВД России, тульскими государственными педагогическим и техническим университетами и другими учреждениями образования и культуры области. Разработаны концепция и стратегия работы Центра, намечен подробный план деятельности.

Лекционно-выставочные мероприятия будут проводиться регулярно на протяжении года в университетах, институтах, школах, гимназиях, колледжах, училищах и техникумах Тульской области.

В ближайшее время выходит из печати второй том Книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области, где перечислено свыше 6000 имен. Действует библиотека по теме мероприятий Центра, составленная главным образом из изданий, подаренных Международным и Российским «Мемориалами».

Следует отметить, что вся работа тульского «Мемориала» держится на энтузиазме активистов. Не жалея сил и времени, эти люди ежедневно приходят в «Мемориал», чтобы помочь тем, кто нуждается в решении вопросов, связанных с восстановлением и соблюдением прав реабилитированных граждан. Они дают консультации, помогают в получении необходимых документов, собирают и обрабатывают архивные свидетельства, сохранившиеся в некоторых семьях, воспоминания о пережитом, об известных и рядовых людях, погибших в тюрьмах и лагерях, помогают в подготовке издания Книг памяти.

Среди таких бескорыстных тружеников можно отметить работу Валентины Алексеевны Мухаревой. Она безвозмездно выполняет обязанности заместителя председателя Правления тульского «Мемориала», совмещая эту работу с должностью казначея и бухгалтера.

Недавно в связи с юбилеем Валентины Алексеевны губернатор Тульской области В.А.Стародубцев по представлению тульского «Мемориала» наградил ее Почетной грамотой.

Сергей ЩЕГЛОВ, председатель областного отделения Российского «Мемориала»

Сообщение об этом награждении было опубликовано в «Вестнике» Международного «Мемориала» № 11.

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

В 1947 году я поступил в театральное училище, а в 1948-м был арестован и осужден по статье 58 п. 10, 11 к лишению свободы на 10 лет строгого режима. При обыске у меня были изъяты дневник и записная книжка, в которую я записывал фамилии художников Третьяковской галереи. Возле каждой фамилии указывал номер зала и количество картин. Увидев содержание записной книжки, следователь предложил мне раскрыть «зашифрованные» записи и выдать «сообщников» (знаменитых русских художников прошлого: Рокотова, Сурикова и других). Мне было странно, что он их не знает, и я, несмотря на свое трагическое положение, громко рассмеялся.

Со мной в камере сидел брат дирижера Мелик-Пашаева. Его посадили за то, что он на Красной площади (будучи пьяным) выкрикивал нецензурные слова [illegible]. Ему сказали: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». И... дали срок.

В заключении я сначала находился в режимном Озерлаге, затем в Берлаге на Колыме. Неоднократно за непослушание отсиживал в БУРах (БУР – барак усиленного режима. – Ю.Ф.) и карцерах.

В 1954 году вышел по ходатайству родителей с туберкулезом легких и попал в ссылку в Караганду на два года.

Вернувшись в Москву, поступил учиться – стал инженером-строителем, хотя всю жизнь мечтал об актерской профессии. Здоровье было подорвано, и я решил реализовать себя в литературном творчестве, что и делаю до сих пор. Реабилитирован полностью в 1962 году. В течение многих лет вел активную работу в «Мемориале».

В ТЕ КРОВАВЫЕ ВРЕМЕНА

Если бы меня спросили, что меня больше всего поразило за годы заключения, отвечу, не раздумывая, – приезд в далекий сибирский лагерь моей родительницы. Нас, политзаключенных, собранных на свердловской пересылке, вывезли оттуда товарным эшелоном. Выгрузили на 185-м километре от Тайшета, загнали в кое-как сколоченные бараки утонувшей в сугробах зоны. К весне 1949 года обживаемся: мы находимся в Озерлаге, где содержатся все по одной, 58-й, статье. Введен строгий режим: заключенные обязаны носить только казенное, каждому присваивается номер. Ходить на работу только под конвоем. Писать письма на волю – два раза в год. За нарушение – карцер или БУР.

Скоро я превратился в обычного лагерного доходягу: нормы выработки на лесоповале, на земляных работах, в каменном карьере были не для меня. Физически здоровым мужикам и то было тяжело, а уж куда мне, неприученному к такому труду! Я попал в бригаду слабаков. Бригадиром у нас был Ланской, потомок старинного дворянского рода, когда-то породнившегося с женой Пушкина. Мы еле-еле выполняли подсобные работы [illegible]. Кормили нас плохо, обували и одевали в тряпье второго и третьего срока. Кому мы были нужны? К лету меня трудно было узнать: в драном бушлате и в замызганных ватных брюках с разноцветными заплатами. Лицо, изъеденное гнусом, опухло, обветрилось. Тупой взгляд. Не раз за отказ выйти на работу сидел в карцере. Еще чуть-чуть, и равнодушный врач в погонах, пощупав кожу задницы, прикажет списать меня в больничную колонну.

В начале июня в один выходной денек, когда наша слабосилка блаженно спала вповалку на нарах, вбежал в барак нарядчик:

– Фидельгольц! На выход! Живо на вахту! Через минуту я, обалдевший [illegible], стою навытяжку перед группой офицеров в синих фуражках с малиновыми околышами. Старший лейтенант, начальник по режиму, сурово переспрашивает:

– Эм триста девяносто шесть? – Я! – Москвич? – Да! – Был студентом? – Да! – В Москве со многими женщинами имел связь? – ?!.

Допрос прерывает сам начальник лагпункта, стройный смуглый красавец – майор Косилов:

– Ладно, хватит. Топай к выходной вахте. Не мешкай. Там твоя мать ждет...

До другой вахты, где нас шмонали и принимали при разводах конвои, всего шагов сто, а у меня от неожиданности отнялись ноги. Да и куда бежать? Надо бы в барак, чтобы опоясаться, выпросить на время приличную одежду. Стыдно показаться таким, как есть.

– Куда? Я тебе что велел? Поворачиваюсь и мчусь, куда надо.

На выходной вахте встречаю старшего надзирателя с замашками уголовника. Он растягивает пасть до ушей, пальцами привычно щупает мой бушлат, брюки. Инструктирует:

– На свидание дано 5 минут. Стоять здесь, не приближаться. Строго запрещается разговор о судебном деле, о лагерных порядках. Можешь передать привет родственникам, спросить о здоровье. В случае нарушения сказанного свиданку прекращаю.

Меня ставят за барьер. Рядом верхом на стуле, вытащив карманные часы, восседает надзор.

Солдаты отворяют наружную дверь. Входит мама, в темном, в длинном строгом платье. В гладко причесанных волосах заметна появившаяся проседь. [illegible]

– Юрочка, это я привезла для тебя все московское. Кушай. Папа здесь со мной. Мы еще увидимся.

[illegible]

– Не нарушай порядка, я еще предупреждаю!

Дальнейшее как в тумане: кишащая людьми зона, рев толпы. Передо мной расступаются приветливо. – К нам мать пожаловала. Получила свиданку! Передай ей наш общий привет на волю.

Что удивительно, – ни один, даже самый голодный зэк не покусился на содержимое маминой корзинки. Материнский гостинец – святое!

На следующий день бригаду в полном составе погнали на железнодорожную ветку разгружать щебенку с открытых платформ. Едва вскарабкались наверх, как красный от смущения Ланской приказывает:

– Юра, прыгай вниз. Кидай лопату, [illegible]

Я, один, у рельсов, а весь состав, словно по волшебству, качается мимо и медленно скрывается за поворотом среди таежной чащобы – вместе с заключенными и конвоирами. Только в десяти шагах замечаю оставленного солдата-краснопогонника. Он дулом автомата указует:

– Иди за мной. Спускайся с откоса.

Думаю опасливо: «Может, шлепнет?» Но нет! Мы переступаем железную дорогу и углубляемся в веселую березовую рощицу. Надо же! Там, расстелив белую салфетку на мшистой зеленой кочке, ждут моего появления мама и папа. Веснушчатый краснопогонник, видно, в курсе происходящего. Он отказывается от протянутого стакана вина, улыбается дружелюбно и хоронится рядом за белоснежными стволами. Какая сказка! Нам никто не мешает. Мы свободно беседуем. Обнимаемся радостно. [illegible]

Мама, не слушая окриков с вышек «Стой! Стреляю!», шла вперед и вперед. Чутье ей подсказало – только тут. Майор Косилов, узнав о мамином свидании, удивился и посочувствовал. [illegible] Он и решился, разрешил такую встречу. В той запомнившейся светлой березовой роще. Это решение было из ряда вон выходящим, нарушающим все установленные порядки. [illegible]

А через месяц, благодаря стукачам и бдительному «куму», [illegible] Меня порядком потрепят в карцере. [illegible] Ничего не выведав, меня отправили в другую зону. Потом, чтобы не дотянулись родители, этапом – в далекие дали Колымы.

О встрече с Нодельманом уже не вспоминаю.

Сейчас, еще раз вспоминая прошедшее, понимаю, каким мужеством обладали мои родители, мама, Капитолина Филипповна Титова, и папа, Лев Григорьевич Фидельгольц. В те кровавые времена.

Юрий ФИДЕЛЬГОЛЬЦ

На фотографии: Ю.Л. Фидельгольц (справа) с другом и однодельцем Б.С.Леватовым. Москва, Соловецкий камень на Лубянской площади, 1999 год. Фото предоставлено автором.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Где солона вода и горек хлеб
И склеп распахнут тяжело и слепо,
Горит свеча над книгою судеб,
Молчат, как судьбы, своды склепа.
Виктор Листов

Юрий Бродский. «Соловки. Двадцать лет особого назначения». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.

Горькие острова

Книга эта потрясает не только серьезным и глубоким содержанием, но и оформлением, выполненным с безупречным вкусом и огромной любовью к Соловкам.

Книга строго документальна. Дневники, письма, документы, фотографии...

В ней нет эмоций. Есть, на мой взгляд, даже некоторая отстраненность. Автор предлагает читателю продумать и прочувствовать все самому, без подсказок.

Эта книга не только о Соловках, о «двадцати годах особого назначения». Она – обо всей советской истории.

Юрий Бродский посвятил Соловкам всю свою жизнь. Не месяцы, а годы с фотоаппаратом в руках он старался документально зафиксировать различные этапы соловецкой истории, разнообразной и неоднозначной.

Соловецкие острова поразительно красивы. Если читатель не был там, пусть он вглядится в дивные фотографии, запечатлевшие архитектуру и природу Соловков в разное время суток, в разное время года: и суровой зимой, и коротким, но теплым и плодородным летом. Фотографий в книге ни много ни мало – 700!

Как советская власть смогла превратить этот рай в ад?!

Из циркулярного письма Ф.Дзержинского органам ВЧК от 1 мая 1920 года:

«Закон дает ЧК возможность административным порядком изолировать нарушителей трудового порядка, паразитов и лиц, подозрительных по контрреволюции, в отношении коих данных для судебного наказания недостаточно, и где всякий суд, даже самый суровый, их всегда, или большей частью, оправдает».

Вот для таких людей организован на Соловках трудовой лагерь.

«Условия для этого очень благоприятные: суровая природная обстановка, трудовой режим, борьба с природой будут хорошей школой для порочных элементов», – писал Иван Боговой, заместитель председателя Архангельского губисполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (расстрелян в 1937 году).

Так начинались Соловецкие лагеря, так зародилась «раковая опухоль» ГУЛАГа.

Документы в книге подобраны вдумчиво и точно. Безупречно «состыковываются» и производят впечатление единого связного текста. Вместе с фотографиями и комментариями они составили том в 526 страниц.

Какого же труда стоили поиски, подбор и «монтаж» этих документов!

Громадная книга разделена на 11 глав, которые охватили всю ГУЛАГовскую историю Соловков: от «Политскитов» через «Двадцать девятый год» до «Тюрьмы». Причем каждая глава посвящена не только одному конкретному периоду, но проблеме в целом.

Потрясают читателя не только описания зверств палачей и тяжких страданий заключенных, удивительны высота и сила человеческого духа, которую проявляли бесправные узники, особенно «слабая» интеллигенция и стойкое духовенство.

Во все периоды тюремных Соловков жертвами становились как «исправляемые», так и «исправляющие». Как пишет в предисловии Юрий Бродский: «Оказалось, что все в проигрыше. Система никому не принесла счастья». Зло никогда не может привести и не приводит к добру. Известный лозунг «Железной рукой загоним человечество к счастью», как оказалось, привел лишь к гибели большинства попавших под эту «железную руку».

Я хочу закончить эту заметку строками из стихотворения Виктора Листова, (автора сценария фильма «Власть Соловецкая», вышедшего на экран в 1988 году), посвященного Ю.А.Бродскому:

Над Белым морем белым
облакам
Вольно парить,
как вознесенным душам.
Не надо, не тоскуй
по Соловкам.
Закроем книгу
и свечу потушим.

Закроем книгу и низко поклонимся ее автору Юрию Бродскому.

Создать такую книгу – это великий подвиг души человеческой!

Сусанна ПЕЧУРО

О.Э.Браз. Соловки 12 августа 1925 года. Акварель. («Соловки. Двадцать лет особого назначения», с. 300.)

Партия заключенных у входа в Управление Соллагерями. 1925 год. (Там же, с. 80.)

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

Жизнь казалась такой безоблачной...

Мои родители приняли революцию и поверили в нее. Отец – понятно, он из семьи рабочих, а вот мама... – подарила два дома государству, позже рояль – детскому саду, над которым взяла шефство, вела работу среди женщин, помогая им, в том числе материально.

Оба они были настоящими патриотами, любили родину и считали, что каждый имеет право на достойную жизнь.

Атмосфера в семье была полна радости, любви, тепла, доброты и доверия. Говорили обо всем открыто, свободно, не таясь. Соседи по дому, здороваясь друг с другом, приветливо улыбались...

Ранним утром в подъезде у дверей квартир уже стояли бутылки с молоком, доставленные из соседнего магазина.

Небо было чистым и ясным...

Первым событием, которое нагнало тучи и вызвало у моих родителей не только недоумение, но и негодование, стали коллективизация и раскулачивание: «Как можно уничтожать крестьянство, которое нас кормит?!»

И вдруг – радио передает, пресса публикует, кино показывает: «Головокружение от успехов». «Вот видите. Оказывается, Сталин здесь совсем ни при чем, он осуждает этих зарвавшихся, перестаравшихся». Тучи рассеялись, но след остался. Живой след.

В нашей семье появилась раскулаченная «тетя Маша», муж которой сошел с ума и вскоре умер. Она помогала маме по хозяйству и стала нашей няней. В полусыром подвале дома поселилась многодетная семья раскулаченных Зуевых. Своими руками глава семьи превратил подвал в «жилое помещение», а сам завербовался на Север и тем спас свою семью от возможной ссылки в Сибирь. Все дворовые ребята вместе с детьми Зуевых играли в наши любимые в то время игры: «казаки-разбойники», лапту, классики.

Мы были веселы и беззаботны.

Дети, как лакмусовая бумажка, все впитывают и молниеносно реагируют на настроение взрослых.

И вот второе событие, и опять тучи... – убит Киров.

Опять в большом смятении мои родители. Папа узнает подробности от своих друзей, близких к Кирову.

Но снова: радио передает, пресса публикует, кино показывает – оказывается, Сталин опять ничего не знал, он искренне скорбит, провожая Кирова. Целует его холодный лоб, обещает найти убийц и наказать их.

Тучи рассеялись вновь, но потянулась какая-то невидимая нить... к 1937 году.

Мы, дети, так же весело и беззаботно играем, иногда шалим.

Вместе со всей страной мои родители сочувственно следят за событиями в Испании. Мама, подхватив нас, детей (меня – 11-летнюю и 4-летнего брата), регулярно посещает кинотеатр «Хроника», что на Сретенке.

Жильцы, обмениваясь новостями, по-прежнему приветливы ... А мы, ребята, уже не только играем, но обсуждаем и переживаем испанские события, знаем, кто такая Долорес Ибаррури.

Но вот нависли-таки страшные грозовые тучи 1937–1938-го.

И опять радио передает, пресса публикует, кино показывает – разоблачены враждебные народу разные «блоки» – троцкистский, зиновьевский, бухаринский и пр., которые, оказывается, готовили заговор против нашего любимого «вождя и учителя, великого рулевого, отца всех времен и народов» – Сталина.

Начались массовые аресты...

Мои родители разговаривают очень тихо...

Жильцы стараются не замечать друг друга, при встрече опускают глаза, отворачиваются...

Дети уже не играют, а только сообщают «последние новости»: «А вчера у Вовы из 1-й квартиры арестовали папу» или: «Нель, бежим скорей, там на собрании жильцов Кузнецов выступает и, знаешь, твоего папу назвал "враг народа"». Я услышала конец этой «исторической» речи, в которой Кузнецов из 17-й квартиры призывал внимательно присматриваться и прислушиваться к соседям и немедленно сообщать, если заметят что-нибудь подозрительное. Вот рядом с нами живет «враг народа» Тачко, а мы и не знали. Я прибежала домой с вопросом. «Да, доченька, у папы сейчас большие неприятности: его ошибочно обвиняют в каких-то делах, о которых он и понятия не имеет. Но ты, пожалуйста, не волнуйся, это явное недоразумение, и у нас обязательно разберутся».

Травля отца началась задолго до его ареста. Его «разбирали» на собраниях («У Тачко вся квартира в коврах!» – а у нас их вообще не было – мама считала их собирателями пыли), понижали в должностях, но мои абсолютно честные родители продолжали верить, что во всем непременно разберутся.

И когда ночью 4 марта 1938 года отца арестовывали и уводили, он все так же просил не волноваться, так как это просто ошибка, он ни в чем не виноват, и теперь, конечно же, обязательно разберутся и все, наконец, прояснится.

Нет нашего папочки – доброго, веселого, любящего. В доме както пусто, невесело... Но оставалась мама, и потому солнце еще светило над головой и земля была под ногами... Только вдруг кончились наши шалости и капризы, маму слушались уже беспрекословно, тем более что и тетя Маша ушла – маме пришлось ее рассчитать... Позже тетя Маша несколько раз приедет в дом, разыскивая нас. Наша любимая добрая и красивая тетя Маша.

В нашем доме, где было 17 квартир, подверглись репрессиям 9 семей из 8 квартир, причем в одной и той же квартире сначала одна семья, затем вторая – новая. Скорее всего, не обошлось без того же Кузнецова из 17-й квартиры – работника НКВД. Позже он сбежит из этого дома – срочно переедет, якобы спасаясь от шума, но до этого я у них еще побываю...

В 6-й квартире жил И.Д.Папанин. До своего перехода в Главсевморпуть и до зимовок он нередко бывал у нас. Беседовал с отцом, шутил с нами – смешной дядя. Этот «смешной дядя» очень любил детей. У него была приемная дочь Клёпа, взрослая, с нами, дворовыми ребятами, не играла, хотя мы не раз ее приглашали и заходили за ней. Зато Иван Дмитриевич часто устраивал нам «фейерверки» из конфет: «Мишарап!» – и конфеты взлетали вверх, а мы, с хохотом расталкивая друг друга, старались их поймать. Нам всем это очень нравилось. Что означало это слово «мишарап», никто не знал, но потом в своих играх мы часто его повторяли.

А когда Папанина вместе с Кренкелем, Ширшовым и Федоровым сняли с дрейфующей льдины, мы всем двором готовились к встрече Героя.

Художница из 15-й квартиры нарисовала великолепный букет роз, чья-то мама купила красную шелковую ткань, нитки, а вышивать панно поручили мне. Это был главный наш подарок, и я этим очень гордилась. Кроме того, дети (с помощью взрослых) делали красивые цветы из бумаги.

За этой работой и застали нас репортеры из газеты. Кто-то из жильцов вынес стол и скамью во двор. Меня с моей вышивкой, натянутой на большие квадратные пяльцы, усадили за стол в центре, вокруг рассадили ребят. Фотограф устанавливал и регулировал аппаратуру. Но тут появилась вездесущая Анна Прокофьевна из 17-й квартиры и что-то шепнула ему на ухо. Фотограф попросил меня пересесть на край скамьи. Ребята хотели передать мне мою работу, но... – «Нет, не трогайте, оставьте ее на месте», – сказал фотограф и начал снимать. А я вижу, что и объектив фотоаппарата направлен мимо меня. Ах, как мне было горько, больно и обидно. Я, рыдая, бросилась в мамины объятья. Это была первая большая несправедливость в моей жизни, но сколько их еще будет... Я стала дочерью «врага народа».

Вторую группу ребят с цветами снимали у кого-то в квартире, куда «вездесущая» проникнуть не могла, и поэтому на первом плане снимка оказался мой 6-летний брат. Он тоже принимал участие в изготовлении цветов – крутил проволоку. Главная «цветочница», моя самая близкая подруга детства – Люся Недлер, попала в центр снимка. Этот снимок был напечатан в газете «Правда».

Продолжу о «вездесущей». Она почему-то постоянно крутилась среди детей и жильцов нашего подъезда, хотя «нехорошая» квартира № 17 находилась на отшибе, с другой стороны дома. Как «вечный дежурный» по двору она знала всех, и все знали ее. Внешне это была довольно миловидная женщина небольшого роста, полная, с тихим вкрадчивым голосом, спокойная, уравновешенная, но, как оказалось, с гнилым советским нутром. Она никогда не вмешивалась в наши игры – просто наблюдала и слушала. Мы относились к ней с уважением, называя всегда по имени-отчеству. У Кузнецовых было два сына, наши ровесники, постоянные участники всех наших игр. Они были хорошие ребята – отзывчивые, покладистые. Кузнецова-отца мы видели редко, а когда видели, то только с угрюмым лицом, и никто не знал, как его зовут. Он был замкнутым и избегал разговоров. Эта пара сыграла зловещую роль, вторгаясь в чужие судьбы.

Мы, дети, часто бывали друг у друга и знали «подноготную» каждой семьи: и чем живут и как общаются, как питаются и как одеваются – от нас не ускользали никакие мелочи. Мы – любопытный народ – ухитрялись побывать даже в квартирах, где детей не было. Все семьи были открыты. Аресты нам были непонятны, приводили в ужас. При этом все почему-то надеялись и верили, что Сталину не было известно о бесчинствах и злодеяниях, которые творились в стране в эти годы. Во всем обвиняли только одного – изверга Ежова. И позже, когда радио оповестит, пресса опубликует, кино покажет, что, наконец, уничтожили этого главного злодея, как и Ягоду, и во главе НКВД поставили Берия, опять скажут: «Вот видите, оказывается, Сталин действительно многого не знал и расправился с этими зарвавшимися, перестаравшимися». И покажется, что тучи понемногу рассеиваются и чуть проясняется...

Но это только покажется.

Нелли ТАЧКО

На фотографии: активистки домкома готовят материал для бесед с женщинами. На переднем плане мать Нелли Тачко Л.Я.Борель. Москва, 1925 г.

Фото из семейного архива автора.

БАЛКАРЦЫ НА ЧУЖБИНЕ И ДОМА

В истории человечества было немало случаев, когда народы либо истреблялись, либо изгонялись со своих исконных территорий более сильным врагом. Но даже покорив народ, завоеватели не стремились уничтожить все, что было связано с его именем, то есть саму память о нем. Но именно это чудовищное преступление было совершено в годы сталинщины. Народы не просто депортировали. Уничтожали все, что могло напомнить об их пребывании на родной земле. Даже простое упоминание национальности оказывалось под запретом. Депортированные народы попросту были вычеркнуты из истории.

Такая участь в 1944 году постигла и балкарский народ. Депортация незамедлительно сказалось на судьбе документальных памятников, хранившихся в фондах краеведческого музея в Нальчике. Культурные ценности, собранные во время экспедиций работниками музея, были изъяты сотрудниками НКВД сразу после выселения народа. Судьба этих материалов неизвестна и по сей день. Скорее всего, они были уничтожены, поскольку в указе о депортации значилось, что балкарцы выселены из родных мест навечно.

Желая сохранить хотя бы часть документов, музейные работники спрятали их в тумбочку под рукомойником, где они пролежали в течение нескольких лет, пока (вероятно, по чьему-то доносу) в музей вновь не пришли энкавэдэшники и не изъяли их. Что же касается материальных памятников балкарцев, то их не тронули прежде всего потому, что в экспозиции они представлены не были. Правда, во время инвентаризации всех фондов музея в 1951 году старые инвентарные книги переписали, но уже без указания национальной принадлежности предметов.

Прошло тринадцать лет, и в 1957 году балкарцы вновь вернулись на родину. Сразу возникла проблема комплектации музейных фондов материалами по истории балкарского народа. Это оказалось сложной проблемой. Многое из уникальных свидетельств прошлого было безвозвратно утрачено и на родине, и на чужбине. Никто не позаботился о сохранности брошенного на произвол судьбы имущества депортированных. В результате исчезли представлявшие огромную историческую ценность «остатки прошлого», воплощавшие наиболее характерные черты жизни народа. Некоторые фрагменты его культуры сегодня уже невозможно проиллюстрировать в экспозиции подлинными предметами.

Несмотря на то, что сейчас музейные коллекции значительно выросли, им недостает полноты, в экспозиции существуют большие пробелы. Наиболее плодотворный период работы сотрудников краеведческого музея по сбору материалов по истории и культуре Балкарии приходится на 1957–1959 годы, когда были организованы этнографические экспедиции в Хуламо-Безенгиевское, Чегемское и Черекское ущелья. В них принимали участие многие ученые республики, а также музейные работники Т.Б.Шаханов, А.А.Гольберг, А.В.Субботина, О.П.Медведева. Их сопровождали известные деятели культуры Кайсын Кулиев и Саид Шахмурзаев, которые позже участвовали в проектировании и монтаже балкарской части экспозиции. Краеведческий музей много внимания уделяет поиску предметов, необходимых для пополнения фондов. Конечно, пополнялись запасники и за счет стихийного притока предметов от населения. Таким образом по крупицам накапливались памятники культуры балкарцев. Одновременно велась серьезная работа по систематизации, датировке, периодизации и атрибуции собранного материала.

На деятельности музеев в целом и на принципе отбора музейных предметов в частности всегда лежит печать времени. Это особенно касалось советских музеев, изначально сильно политизированных. В зависимости от линии, которую в данный момент проводило руководство государства, менялись приоритеты в работе музеев и само представление о ценностях культуры. Таких крутых поворотов в жизни страны было немало. Последний из них пришелся на годы перестройки, когда изменившаяся общественно-политическая ситуация потребовала от работников Национального музея КБР (бывшего краеведческого) переосмысления многих фактов истории. Не дожидаясь создания новой, объективной исторической концепции Кабардино-Балкарии и полной реконструкции музея, дела долгого и кропотливого, его работники сразу же стали вносить коррективы в экспозицию дореволюционного периода истории балкарского народа. Несмотря на сопротивление, оказанное некоторыми чиновниками от культуры, сотрудники музея на свой страх и риск начали приобретать запрещенные доселе материалы. В 1990-е годы зал, посвященный истории XIX – начала XX века, пополнился экспонатами, рассказывающими об общественных и политических деятелях Балкарии, имена которых были преданы забвению. Эта работа еще далека от завершения.

В начала 1990-х годов наиболее актуальной для музея стала тема депортации и реабилитации балкарского народа. Принятый 26 апреля 1991 года Верховным Советам РСФСР Закон «О реабилитации репрессированных народов» дал новый импульс для сбора «закрытой» до той поры информации о жизни балкарского народа на чужбине. Одна за другой проходили временные выставки. Часть экспонатов этих выставок включалась в музейную коллекцию в качестве источников информации о депортации балкар. Помимо вещественных памятников, этот раздел пополнили различные документы и фотографии, вырезки из газет. Они стали исходной базой для работы историков, занимающихся темой депортации балкарцев.

Сбором соответствующих материалов сотрудники музея занялись гораздо раньше, не дожидаясь закона о реабилитации. Поиски нужных документов начались с архивных материалов, хранящихся в Центральном государственном архиве КБР и центре новейшей документации Кабардино-Балкарии. Особенно трудно, по признанию старшего научного сотрудника Национального музея КБР Татьяны Сергеевой, занимающейся разработкой темы депортации и реабилитации балкарцев, отыскать указ о выселении балкарского народа. Как это часто бывает в поисковой работе, она наткнулась на него совершенно неожиданно и совсем не там, где надеялась отыскать. Появилась возможность говорить открыто, а главное, доказательно о том, что находилось под запретом около четырех десятков лет.

О трагедии балкарского народа рассказывали и стенды на выставках, развернутых в музее. Первая из них, состоявшаяся в 1993 году, охватила огромный исторический период: от появления балкар до современности и отразила все основные этапы истории народа. Здесь были представлены вещественные памятники, культурные ценности, документы, фотографии, награды, полученные балкарцами в местах ссылки. Это ордена, медали, дипломы, свидетельствующие о присвоении почетных званий, завоеванные в соцсоревнованиях знамена. На основе переданных населением и найденных в архивах материалов была создана стационарная экспозиция.

С тех пор подобные выставки в Национальном музее КБР стали ежегодными. Их, как правило, приурочивают к 8 марта – дате депортации или 28 марта – дню Возрождения балкарского народа.

Конечно, далеко не все «балкарские проблемы» сегодня решены Национальным музеем КБР. Корпус материальных и письменных источников, касающихся балкарцев, далеко не полон. Сотрудники музеи пытаются в какой-то степени ликвидировать пробелы. На этом пути встречаются серьезные препятствия. Экспедиционная работа из-за отсутствия финансов сегодня не ведется. Нет денег и на систематические поиски документов. Остаются лишь случайные поступления. Поскольку денег на закупку предметов, представляющих для музея ценность, также нет, приходится уповать на человеческую щедрость. Надо сказать, что и сегодня находится немало людей, безвозмездно передающих музею семейные реликвии. Но это не решает проблему создания достаточно полной экспозиционной базы музеев истории и культуры балкарцев. Более того, невозможно выработать научную концепцию экспозиции в целом и ее балкарского раздела в частности.

Жаухар АППАЕВА, Кабардино-Балкария

От редакции

Информация по затронутым проблемам постоянно публикуется в информационно-аналитическом СМИ «Мемориала» «Кавказский узел» – www.kavkaz.memo.ru

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ КОРЕЙЦЕВ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА»

Первые поселения корейцев в России отмечены в 1863 году на реке Тизинхе Приморского края. Царская администрация, разрешив корейцам обосноваться в районе Посьета, Приморья, исходила, прежде всего, из своих интересов, считая, что переселение будет способствовать освоению Дальневосточных окраин. По заключенному между царским правительством и правительством Кореи в 1885 году соглашению, все корейцы, перешедшие границу до 1884 года, приобретали право принять русское подданство и наделялись землей.

Все было хорошо для российских корейцев до репрессий 1937 года, которые до сегодняшнего дня больно отзываются в сердце каждого из них. Российские корейцы были незаконно репрессированы по признаку национальной принадлежности и в срочном порядке выселены с Дальнего Востока в районы Средней Азии и Казахстана. В одночасье люди лишились крова, результатов многолетнего труда, обустроенных мест. Вместе с ним исчезли рисовые поля и плантации – вклад корейского населения в развитие сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Накануне депортации корейского населения в 1937 году на Дальнем Востоке функционировали сотни корейских школ, корейский педагогический институт, издавалась газета на корейском языке, работал национальный театр. В школах детей обучали корейскому языку. Но в 1939 году из Москвы поступил указ о закрытии института, а все учебники на корейском языке предписывалось сжечь.

Массовым репрессиям в 1930–1940-е годы по признакам национальной принадлежности подверглись полностью или частично 55 народов общей численностью 5,5 миллиона человек (индивидуально и в составе кулацких семей подверглись репрессиям 25–27 миллионов).

1 апреля 2003 года исполнилось 10 лет со дня принятия постановления «О реабилитации российских корейцев». Это постановление уравняло в правах корейцев со всеми народами России. Российское правительство, осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, утвердило законы, в которых признаются незаконными и преступными все репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению. В законах о реабилитации, принятых Верховным Советом РФ, выражены глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким и неуклонное стремление добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Эти законы явились отправным моментом в деле реабилитации корейского населения, сохранения традиций корейской культуры, фольклора, прикладного искусства, изучения языка.

Ныне в свободной России и государствах СНГ обитает более полумиллиона корейцев, которые искренне верят, что трагедия 1937 года никогда не повторится, а закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» заработает в полную силу, восстановив ранее попранные права репрессированных народов.

Уже пятое поколение корейцев живет в России. За это время русский язык стал для них родным, а Россия – родиной.

* * *

В честь 10-летия принятия Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» 31 марта в Центре национальных культур (г. Новороссийск) лидеры корейского национального общества «Чин-сен "Дружба"» при поддержке общественных организаций «Мемориал», «Черноморские добровольцы» и «Новороссийский Ресурсный Центр» провели «круглый стол» на тему: «Процесс реабилитации корейцев России на рубеже XXI века». Постановление «О реабилитации российских корейцев» стало поворотным моментом в жизни корейского общества – оно дало право не чувствовать себя «без вины виноватыми».

В «круглом столе» приняли участие руководители городских общественных организаций, официальные представители корейского и других национальных обществ, корейцы-жители Новороссийска, студенты.

Интересной информацией из жизни российских корейцев поделились президент национально-культурной автономии корейцев по ЮФО Юрий Павлович Эм, его помощник Вячеслав Михайлович Ким и председатель Новороссийского Клуба «Чин-сен "Дружба"» Лилия Терентьевна Пак.

В настоящее время на территории России проживает 418 000 этнических корейцев, которые объединены в национально-культурное общество для сохранения своей самобытности. В выступлениях многих участников звучали теплые отзывы о достоинствах и заслугах представителей корейского общества, среди которых 209 Героев Социалистического Труда, два Героя России: летчик-испытатель Олег Цой и участник «круглого стола» Юрий Павлович Эм, много ученых в различных областях науки, чьи труды высоко оценены государством. В выступлениях многих участников звучали не только воспоминания о тяжелых жизненных испытаниях, выпавших на долю репрессированных народов, но и оптимистические пожелания, вера в дружбу народов.

Г.Г.Гончаров, председатель новороссийского общества «Мемориал», рассказал об истории создания общества, о его работе, о той помощи, которую оказывают активисты «Мемориала» пострадавшим от репрессий жителям города в восстановлении их прав.

Негативную реакцию присутствовавших вызвало выступление активиста многих общественных организаций города Г.Г.Савенкова, который заявил, что Новороссийск – это исконно казачья вотчина, и миграционные процессы могут нарушить интересы коренного (казацкого) населения. После такого заявления многие участники «круглого стола» и гости в своих выступлениях отмечали, что издавна люди разных национальностей в России жили в дружбе.

Так, Светлана Андронниковна Тарахно, активистка общества «Мемориал», рассказала о своей семье, соединившей кубанских казаков и армян: ее муж – казак, сын казачьего атамана из станицы Гостагаевской, а сама она – армянка.

А заместитель руководителя корейского общества «Чин-сен "Дружба"» Надежда Петровна Ткаченко поделилась историей своей многонациональной семьи и сказала, что не может определить, какой она национальности, потому что ее мать – кореянка, отец – русский. Дочь Надежды Петровны вышла замуж за армянина. Работники ЗАГСа заметили, как удивительно сочетаются армянская фамилия, украинское имя и русское отчество ее дочери – Татасьян Оксана Ивановна.

Как итог «круглого стола» прозвучало выступление президента национально-культурной автономии корейцев Юрия Павловича Эма (его родители были репрессированы). «Очень приятно, – сказал он, – что в зале много молодых людей, что они с интересом воспринимают все выступления. В истории главное, что справедливость восторжествовала. Мы должны сохранить то благополучное равновесие отношений, которое достигнуто у нас сейчас».

В настоящее время в Новороссийске проходит общественная кампания по сбору средств на «Народный памятник жертвам репрессий». Организаторы «круглого стола» с радостью восприняли намерение депутата Законодательного собрания Краснодарского края Юрия Павловича Ковалюка оказать содействие в сборе средств на памятник.

Наталья ТЕРЕНТЬЕВА

От редакции. Информация по затронутым проблемам постоянно публикуется в информационно-аналитическом СМИ «Мемориала» «Кавказский узел» – www.kavkaz.memo.ru

ЧУДО-ДОКТОР

Семь лет провел в тайшетских лагерях доктор Николай Дмитриевич Флоренский.

Его имя произносится в Сибири с благоговением.

Моя бабушка во время войны жила в глуши, в 60 километрах от Тайшета. В диком краю не было и признаков цивилизации. Сразу же после войны тайгу разбудили стук топоров, лай сторожевых собак, крики охранников и заключенных. Так начиналось строительство трассы Тайшет–Братск. В гигантский водоворот строительства были втянуты жители окрестных деревень.

Болезни выкашивали целые улицы и даже селения. Крестьянам этих мест повезло, что среди зэков было много профессоров медицины, специалистов самого высокого уровня.

Бабушка была молодой и несмышленой. У нее сильно болели ноги. Как оказалось позже, вызвано это было отложением солей в суставах. На счастье, ей встретился Николай Дмитриевич. Он посоветовал молодке следующий способ избавления от болезни: нужно хорошо одеться, особенно уделить внимание ногам, пойти к реке и, разбив лед, подержать ноги в воде сколько есть терпения. Потом тепло обуться в валенки и разогреться, побегав вдоль реки минут 5–7. Назавтра повторить процедуру, но ноги в воде нужно подержать чуть-чуть дольше, и так каждый день, увеличивая продолжительность ледяной ванны и пробежек вдоль замерзающей реки. Контрастные ванны избавили бабушку от недуга, и она хранит благодарность удивительному доктору, вспоминая, как он своими советами и уникальными операциями спас тысячи вольных людей и заключенных.

И мне довелось воспользоваться помощью известных медицинских светил. В 1954 году на меня, двухлетнего малыша, упала ставня с крыши, и жизнь висела на волоске. Спасение пришло от лагерных врачей. Моментально вызвали «клужанку» (железнодорожную мотодрезину), и меня транспортировали в Новочунку, где в лагерной больнице было много кремлевских медицинских звезд. Они поставили меня на ноги и здоровеньким возвратили родителям. Среди всех профессоров на трассе, а там работали чудо-доктора из Японии, Германии, Советского Союза, выделялся Н.Д.Флоренский.

Уже лет 10 я переписываюсь с его супругой Натальей Ефимовной Флоренской и получил от нее уникальный архив, содержащий письма и фотографии.

За сухими фактами биографии Николая Дмитриевича угадывается огромный жизненный путь. Государство снисходительно одаривало необыкновенного доктора наградами и званиями, потом карало, потом снова одаривало.

Николай Дмитриевич родился в 1893 году. Окончив Костромскую духовную семинарию, поступил в Московский государственный университет на медицинский факультет. На его долю выпало участие в Гражданской и Отечественной войнах, он перенес тиф, ранения, плен, участвовал и в партизанской войне, снова был плен, затем лагерь. Судьба помотала его по городам и весям страны: Иваново, г. Кохма (1923–1927), Ленинград (1928–1929), плен под Вязьмой (1941), Копенгаген (1945–1946), лагерная жизнь в Ленинабадской области (1946–1948) и в Тайшетлаге–Озерлаге (1949–1955).

После всего перенесенного Н.Д.Флоренский стал профессором, доктором наук, причем самые значительные научные открытия родились в неволе. Конечно, все знают изобретение доктора Илизарова из Кургана, применяемое при переломах. Знаменитый прыгун в высоту Валерий Брумель восстановил свою сломанную ногу у провинциального доктора.

А между тем Н.Д.Флоренский еще в лагере предложил новый метод сращивания переломов кости. Свой сжимающий прибор он назвал «ретрактор», а операцию – «компрессионный остеосинтез». Прибор представлял собой две скобы, спицы для скелетного вытяжения и набор винтов, при помощи которых производятся манипуляции. Вначале проводилось растяжение, чтобы установить сломанные кости в правильном положении. Затем их надо сжать и зафиксировать.

Флоренскому помогли довести до кондиции прибор его же пациенты: конструктор Акимов, гальваник Кассандров и инженер-механик Багаутдинов. Все это было на Центральном авторемонтном заводе (ЦАРМЗе) в Тайшете. Вот как вспоминает работу над прибором узбек Сафич Багаутдинов, ныне живущий в Казани. «Однажды Николай Дмитриевич говорит: "Ребята, вы инженеры! Неужели не сможете придумать железяки для лечения переломов, а я вам расскажу идею". Сколько мы их переделали, – не помню, так как некоторые Николай Дмитриевич браковал еще до хромирования.

Испытать конструкцию на заводе не получилось, но в лазарете Озерлага удалась первая попытка. У 65-летней женщины неправильно срослась нога, и она уже год не могла ходить. Н.Д. сломал ей ногу в месте старого перелома и после соответствующей обработки наложил ретрактор и лангет. Через 3–4 дня женщина уже начала ходить с костылем, а через 10 дней – с палочкой. Так, летом 1952 года в Озерлаге родился ретрактор.

Мы сумели отправить описание метода и прибора с пакетом в Москву. Ответ был положительный, но напечатать работу не смогли, ведь автор – политзаключенный. Н.Д.Флоренский очень переживал». Он умер в 1979 году.

У меня такое впечатление, что я знал его лично, пожимал его тонкую, чувствительную руку.

После выхода в свет книги Б.Дьякова «Повесть о пережитом» и упоминании о Н.Д.Флоренском в Иваново с разных сторон посыпались письма-благодарности от спасенных людей и коллег. Наталья Ефимовна прислала мне большую часть писем, и я связался с людьми, разбросанными по всей стране. Удивительный доктор своей добротой одарил и меня, его «рекомендации оттуда» позволили открыть многие тайны Озерлага, ведь найти в 1980-е годы бывших зэков Тайшета представлялось невозможным.

Из писем Н.Д.Флоренскому

Уважаемый Николай Дмитриевич!

Может быть, Вы помните, в 1951 году привезли с пятого лагпункта прораба А.Богородских с перитонитом аппендикса и сразу же на стол. После операции меня положили в «безнадежную». Врачи говорили: «Этот не выживет». Как было обидно – хоронят заживо. Но Вы боролись за мою жизнь, и вот я жив.

Повесть Дьякова меня так взволновала, я несколько дней не находил себе места. А именно то, что он писал, – это сотая часть моих мучений в лагерях (из них 4 года в Озерлаге). И в конце концов оказалось, что я не совершил никакого преступления. Мне сейчас 56 лет, я работаю главным лесничим лесхоза в Читинской области, в городе Шилка.

2 ноября 1964 г.
А.Богородских

* * *

Дорогой Николай Дмитриевич!

Неожиданную радость мне представила статья М.Черного в «Литературной газете» от 15.09.1964 г., где сообщается, что Вы живы и еще работаете профессором в мединституте. Это значит, что воспитываете не только высококвалифицированных, но и благородных врачей, каким Вы являетесь.

В лагере Вы трижды спасли мою жизнь, вытаскивая с того света... Простите, дорогой Н.Д., что отвлекаю Ваше время. Как-то совесть, человечность призывают написать некоторые подробности. Как мне хочется пожать Вам руку и обнять и как родного расцеловать крепко-крепко.

Мне кажется, что нам, озерлаговцам, должны были предоставить возможность встретиться. Жалко, что писатель Б.Дьяков редактировал свой материал в ленинградском журнале. Я бы ему мог сообщить, как работали так, что фуфайка была вся мокрая, а, когда возвращались в колонну, верхний бушлат был покрыт льдом. В бараке одежду бросали у печки и заваливались на нары мертвецами. Трижды меня выписывали в пересыльный барак, а оттуда на работы в лес и на кладбище, где в мерзлом грунте «оформляли» 4–5 могил в день. Много было пережито в озерлаговском «санатории».

22.10.1964. С.Фурман

* * *

Дорогой Н.Д., спаситель моей жизни!

Думаю, Вы фамилию мою не забыли, потому что Вы за мою жизнь переживали, пожалуй, больше, чем я.

Вы мне делали операцию в 1953 г. в Тайшете на ЦАРМЗе, а после операции сидели 15 суток около меня, у меня был вес 35 кг. Никто не соглашался делать операцию. Сложная операция прошла благополучно, все неверующие были посрамлены. На 13-й день сняли швы. Я стал подниматься. Вы еще смеялись, говорили: «Смотрите, чудо! Синицын пол подметает».

Живу на воле с 1954 г., чувствую себя очень хорошо. Поздравляю Вас с защитой диссертации.

22.11.1964.
Иван Синицын. г. Красноярск

Подобных писем в моем архиве достаточно: есть автограф комкора А.И.Тодорского, множество посланий от собратьев по лагерю. К сожалению, открыв повестью А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» лагерную тему в советской литературе, КПСС тут же ее и похоронила на долгие годы. Огромное количество свидетельств бывших зэков, только что покинувших лагеря, кануло в Лету.

После освобождения Флоренский возвратился в Иваново, к 70 годам защитил докторскую. Он начал разрабатывать ретракторы для исправления позвоночника.

За всю свою жизнь Николай Дмитриевич сделал около 30 000 операций, причем не был узким специалистом в одной области, свободно оперировал в области общей хирургии, нейрохирургии, гинекологии, ортопедии, был специалистом по вопросам переливания крови.

Под стать ему и супруга – Наталья Ефимовна Флоренская – тоже врач и человек редкой души.

С Николаем Дмитриевичем я встретилась в плену в марте 1943 г., и с этого времени я отсчитываю продолжительность нашего исключительно прочного, основанного на взаимной любви и уважении союза. Наш союз не укладывается в рамки понятий обычных взаимоотношений. Разница в возрасте у нас 26 лет, но, как говорится, дай Бог, чтобы люди молодого возраста испытывали в семейной жизни подобную гармонию, как было у нас. У Н.Д. перед войной умерла жена. Сын, окончивший в 1941 г. Ивановский мединститут, погиб на фронте. После моего освобождения в 1955 г. из Воркуты я не могла не приехать в Тайшет к Н.Д.Флоренскому. Сейчас я живу интересами детей и внуков. Человеку на девятом десятке лет много планировать не приходится. Встретились мне стихи Л.Щипахиной, и они являются моим девизом:

Не для себя деревья
плодоносят,
И реки чистых вод своих
не пьют,
Не просят хлеба для себя
колосья,
Дома не для себя хранят уют...
Себя мы с ними сравнивать
не будем,
Но каждый знает, эту жизнь
любя,
Что чем щедрее отдаешь ты
людям,
Тем радостней живешь
и для себя.

Леонид МУХИН

На фотографиях на с. 6:
Врачи центральной больницы Озерлага. Н.Д.Флоренский во втором ряду в центре. 1951 (1952) г.
Супруги Николай Дмитриевич и Наталья Ефимовна Флоренские. Копенгаген, сентябрь 1945 г.
Фотографии предоставлены автором.

ЛАГЕРНЫЕ ПОСИДЕЛКИ

Эта акварель – воспоминание об уюте дружеских встреч среди нелепостей лагерной жизни и принудительного, бессмысленного труда.

Нарисована она уже после лагеря, в 1953 году, когда я вернулась в Москву под мамину добрую опеку и, снова став студенткой полиграфического института, душою много раз возвращалась к дням только что минувшим, к жизни за колючей проволокой, где остались мои друзья.

Дружба с Ниной Боллс и Ольгой Смирновой в течение двух лет (с 1949 по 1951 год) была и случайной, поскольку я оказалась с ними на одном лагпункте, и неслучайной, ибо люди одного круга, как правило, друг друга находят. Вообще-то обитатели изолированного маленького мира легко сходятся, особенно быстро знакомства проходят в зоне, где работают те, кого лагерь использует для своих хозяйственных нужд. В формулярах эти заключенные имеют квалификацию специалистов, в обиходе же их называют «придурками», так как они избавлены от непосильного труда на общих работах (на нашем ОЛП – отдельном лагерном пункте – женщины работали лесорубами).

Нина была фельдшером в санчасти и вела приемы больных утром и днем, Ольга работала заведующей каптеркой – отвечала за личные вещи заключенных (ей, правда, приходилось работать и вечерами), а я была помощником начальника КВЧ (культурно-воспитательной части). Воспитательная работа в лагере, как это было уже десятилетиями заведено, предполагает наличие наглядной агитации, призывов к ударному труду. Поэтому помощником начальника обычно брали художника – плакаты писать, копии картин для клуба рисовать, участвовать в оформлении самодеятельных спектаклей. Все это мне и довелось выполнять: пригодился опыт учебы в Московском полиграфическом институте. Кроме того, было много рутинной работы: письма по баракам разносить, сочинять отчеты о воспитательной работе, иногда писать кому-то прошение о помиловании или нечто подобное. Однако культурные нужды работяг, ходивших в КПЧ «культуру хавать» (на местном жаргоне), заканчивались достаточно рано, так как будили всех ни свет ни заря, и, чтобы хоть немного выспаться, лесорубы старались ложиться спать по возможности пораньше.

Поэтому нам, «придуркам», для общения оставались поздние вечера, и наши дружеские посиделки постепенно вошли в приятную привычку и даже потребность. Начиналось все с новостей. Фонтан лагерных тем из цикла «нарочно не придумаешь» не иссякал никогда. Часто по вечерам обсуждались новости с воли или от друзей с других лагпунктов, получаемые с оказией. А потом на этих вечерах зазвучали стихи, и наши встречи стали поистине источником радости и высоких, совсем не лагерных тем.

Этот сохранившийся рисунок воспроизводит один из зимних вечеров в КВЧ, к обустройству которой я приложила в свое время достаточно труда и изобретательности. В центре небольшой комнаты – два стола. Один справа – мой рабочий, за ним с книгой и папиросой в руке сидит Ольга. Я за столом начальницы, с кисточкой почему-то в левой руке, на мне синий производственный халат, необходимый при работе с красками и большими щитами для зоны. Справа сундук, изготовленный по велению начальницы, вольнонаемной, маленькой кривобокой женки какого-то охранника (ее рабочий день давно закончился). В сундуке хранился театральный реквизит. На нем лежат незаконченные таблички с надписями, наверное, по технике безопасности для лесорубов. За моей спиной шкаф, в нем всякого рода бумажки: отчеты, соцобязательства и – не помню уж точно – какая-то еще мура. На полке рядом со шкафом стоят мои банки с плакатной гуашью, прикрытые занавеской для «уюта». Нина со своим шитьем сидит спиной к зрителю, на ней теплый оренбургский платок и валенки. В помещении не слишком тепло, по полу дует, ведь печка (ее не видно) топилась только в первой половине дня. Печка занимала важное место в нашей жизни, об этом свидетельствуют распиханные везде дрова: под столом, под топчаном и даже на шкафу. Для сохранения тепла висит одеяло на двери, за ней холодный тамбур, общий с бараком. Важная часть «интерьера» комнаты – самодельный «китайский» абажур. К сожалению, в акварели он не очень хорошо изображен. В действительности он выглядел эффектно: был придуман и склеен трехгранный бумажный каркас, со стенками из полупрозрачной кальки, на кальке картинки с китайскими мотивами.

Быть может, память так ярко сохранила тот интерьер и воспоминания о наших теплых вечерах потому, что оборвалось все внезапно и навсегда: наш лагпункт понадобился для другого контингента заключенных. Прибыл откуда-то большой этап уголовников, размещенный вначале на смешанном участке (там располагались вместе мужская и женская зоны). Уголовники со своим вожаком (кажется, по фамилии Белоцерковский) учинили разгром: выгнали охрану из зоны, казнили каких-то провинившихся урок, изнасиловали женщин из обслуги и в конце концов потребовали разместить их всех вместе в отдельной зоне. Требование было решено выполнить, а наш женский ОЛП ликвидировать, разбросав зэчек по другим лагпунктам. Нас быстренько погнали на этап, дав на сборы не более суток – обычная лагерная практика.

Ни Нину, ни Ольгу я больше в лагере не видела. Я освободилась в 1953-м, раньше, чем они, какое-то время мы переписывались, пока они тоже не разъехались по домам. Наша заботливая умница Нина Павловна вернулась в свою Одессу, закончила мединститут, вышла замуж за коллегу, родила двух дочерей. Последний раз мы виделись у нее в 1968 году, ровно через год она умерла от рака.

Ольга сейчас живет в Москве, но в очень далеком от меня «спальном районе». Сегодня это один из светлых уголков моего не очень обширного дружеского общения. Мы видимся нечасто, обычно я приезжаю к ним, навещаю их дружный женский коллектив (бабушка, мама, внучка).

Но... вокруг уже другой театр и другие пьесы.

Ирина ФЕДОРОВА

От редакции

Музей «Мемориала» получил копию этой акварели, позднее Ирина Фоминична передаст и ее оригинал.

Комплектация музейного фонда проводится за счет частных пожертвований. Сотрудники музея и его посетители всегда рады видеть новые поступления и будут благодарны тем, кто сочтет возможным передать их в дар музею.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Дело № 1091 УМГБ Московской обл.- по обвинению- СТЕФАНОВСКОГО Павла Петровича 1918 г.р.,ур. гор.Кисловодска,из служащих, русского,гр.СССР,беспартийного.

СТЕФАНОВСКОГО Павла Петровича за шпионскую деятельность и антисоветскую агитацию,заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет,считая срок с 3 декабря 1949 г.

Обв... 58-10...

Отметка в ОСК произведена „8" VII 1950 г.

АБВЕР-СМЕРШ

П.Д.Воронкин.
Портрет П.П.Стефановского.
Джезказган, 1955 г.

Павел Петрович Стефановский подарил библиотеке «Мемориала» авторский экземпляр своей книги – первой из трилогии «Развороты судьбы», посвященной значительному периоду советской истории. Значительному не столько по продолжительности, сколько по концентрации событий. В непростую судьбу автора крепко вплелись нити этих событий, оставив в его биографии трагический след.

П.П.Стефановский родился в 1918 году в Кисловодске. Его отец, Петр Васильевич Стефановский, протоиерей, настоятель кисловодского Кафедрального собора, в 1927 году был репрессирован и скончался в ссылке в городе Чарджоу в конце 1920-х годов (точная дата смерти неизвестна).

Мать, врач по специальности, во время войны работала в медсанбате и погибла во время бомбежки Сталинграда в 1942 году.

В 1934 году Стефановский был принят в театральное училище В.Э.Мейерхольда, но в силу того, что при училище не было общежития – Павел был «иногородний», – с учебой пришлось распрощаться. Однако юноша не унывал, он успешно сдал экзамены в лесотехнический техникум, который по объему знаний, высокому уровню подготовки студентов и квалификации преподавательского состава вполне мог быть приравнен к институту. После окончания техникума П.Стефановский с 1938 по 1939 год работал старшим лесотехником Управления Юго-Восточного лагеря НКВД.

В 1940 году Павел был призван в армию, и, можно сказать, с этого и начала разматываться цепь трагических, иногда забавных, а порой мистических событий, которых хватило бы не на одну человеческую жизнь.

В первой книге трилогии, охватившей 1937–1945 годы, автор описывает службу в армии, участие в Великой Отечественной войне, плен, учебу в разведшколе Абвера в Польше, Эстонии, Финляндии, работу в отделе контрразведки СМЕРШа, радиоигру СМЕРШ–Абвер. Завершается первая книга главой «Демобилизация».

Уже в печати вторая книга «КГБ–ГУЛАГ» о событиях 1945–1955 годов (выйдет в начале мае этого года) и в проекте последняя, завершающая трилогию, книга «Москва», рассказывающая о событиях, разворачивающихся во второй половине XX века.

Способность к творчеству в самом широком смысле слова и сделала жизнь автора интересной и содержательной.

Тяга к искусству сопровождала Стефановского всю жизнь. В какие бы края ни забрасывала его судьба и какие бы испытания ни выпадали на его долю, природный артистизм выручал его в самых разных, порой невероятных обстоятельствах. И если организация в 1940 году хора из роты радистов была достаточно обычным явлением – художественная самодеятельность в те годы приветствовалась и в школах, и на производстве, и, конечно, в армии, то организация самодеятельности в лагере военнопленных и даже в школе Абвера – такое не каждому под силу. Активность жизненной позиции помогала Стефановскому в самых безвыходных ситуациях.

Павел Петрович Стефановский в свои 85 лет сохранил удивительную ясность ума, редкий оптимизм и восторженное отношение к жизни.

Теперь, уже будучи пенсионером (общий стаж работы у Павла Петровича – 56 лет), он решил поделиться своими воспоминаниями. В первой книге много такого, что заставляет читателя вспомнить военные приключенческие романы 1960-х – середины 1970-х годов. Но в отличие от выдуманных приключений выдуманных героев, события, описанные в книге, подлинные, подтвержденные документально, и их участник и очевидец, надеемся, вскоре познакомит читателя с продолжением, в котором будет и арест в 1949 году, и 25 лет ИТЛ по решению ОСО КГБ (из них 6 лет Стефановский провел вместе с Солженицыным), и многое, многое другое...

Тамара ТУР

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПРОЦЕСС РЕАБИЛИТАЦИИ КОРЕЙЦЕВ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА»

Первые поселения корейцев в России отмечены в 1863 году на реке Тизинхе Приморского края. Царская администрация, разрешив корейцам обосноваться в районе Посьета, Приморья, исходила, прежде всего, из своих интересов, считая, что переселение будет способствовать освоению Дальневосточных окраин. По заключенному между царским правительством и правительством Кореи в 1885 году соглашению, все корейцы, перешедшие границу до 1884 года, приобретали право принять русское подданство и наделялись землей.

Все было хорошо для российских корейцев до репрессий 1937 года, которые до сегодняшнего дня больно отзываются в сердце каждого из них. Российские корейцы были незаконно репрессированы по признаку национальной принадлежности и в срочном порядке выселены с Дальнего Востока в районы Средней Азии и Казахстана. В одночасье люди лишились крова, результатов многолетнего труда, обустроенных мест. Вместе с ним исчезли рисовые поля и плантации – вклад корейского населения в развитие сельского хозяйства на Дальнем Востоке. Накануне депортации корейского населения в 1937 году на Дальнем Востоке функционировали сотни корейских школ, корейский педагогический институт, издавалась газета на корейском языке, работал национальный театр. В школах детей обучали корейскому языку. Но в 1939 году из Москвы поступил указ о закрытии института, а все учебники на корейском языке предписывалось сжечь.

Массовым репрессиям в 1930–1940-е годы по признакам национальной принадлежности подверглись полностью или частично 55 народов общей численностью 5,5 миллиона человек (индивидуально и в составе кулацких семей подверглись репрессиям 25–27 миллионов).

1 апреля 2003 года исполнилось 10 лет со дня принятия постановления «О реабилитации российских корейцев». Это постановление уравняло в правах корейцев со всеми народами России. Российское правительство, осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, утвердило законы, в которых признаются незаконными и преступными все репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению. В законах о реабилитации, принятых Верховным Советом РФ, выражены глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким и неуклонное стремление добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Эти законы явились отправным моментом в деле реабилитации корейского населения, сохранения традиций корейской культуры, фольклора, прикладного искусства, изучения языка.

Ныне в свободной России и государствах СНГ обитает более полумиллиона корейцев, которые искренне верят, что трагедия 1937 года никогда не повторится, а закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» заработает в полную силу, восстановив ранее попранные права репрессированных народов.

Уже пятое поколение корейцев живет в России. За это время русский язык стал для них родным, а Россия – родиной.

* * *

В честь 10-летия принятия Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» 31 марта в Центре национальных культур (г. Новороссийск) лидеры корейского национального общества «Чин-сен "Дружба"» при поддержке общественных организаций «Мемориал», «Черноморские добровольцы» и «Новороссийский Ресурсный Центр» провели «круглый стол» на тему: «Процесс реабилитации корейцев России на рубеже XXI века». Постановление «О реабилитации российских корейцев» стало поворотным моментом в жизни корейского общества – оно дало право не чувствовать себя «без вины виноватыми».

В «круглом столе» приняли участие руководители городских общественных организаций, официальные представители корейского и других национальных обществ, корейцы-жители Новороссийска, студенты.

Интересной информацией из жизни российских корейцев поделились президент национально-культурной автономии корейцев по ЮФО Юрий Павлович Эм, его помощник Вячеслав Михайлович Ким и председатель Новороссийского Клуба «Чин-сен "Дружба"» Лилия Терентьевна Пак.

В настоящее время на территории России проживает 418 000 этнических корейцев, которые объединены в национально-культурное общество для сохранения своей самобытности. В выступлениях многих участников звучали теплые отзывы о достоинствах и заслугах представителей корейского общества, среди которых 209 Героев Социалистического Труда, два Героя России: летчик-испытатель Олег Цой и участник «круглого стола» Юрий Павлович Эм, много ученых в различных областях науки, чьи труды высоко оценены государством. В выступлениях многих участников звучали не только воспоминания о тяжелых жизненных испытаниях, выпавших на долю репрессированных народов, но и оптимистические пожелания, вера в дружбу народов.

Г.Г.Гончаров, председатель новороссийского общества «Мемориал», рассказал об истории создания общества, о его работе, о той помощи, которую оказывают активисты «Мемориала» пострадавшим от репрессий жителям города в восстановлении их прав.

Негативную реакцию присутствовавших вызвало выступление активиста многих общественных организаций города Г.Г.Савенкова, который заявил, что Новороссийск – это исконно казачья вотчина, и миграционные процессы могут нарушить интересы коренного (казацкого) населения. После такого заявления многие участники «круглого стола» и гости в своих выступлениях отмечали, что издавна люди разных национальностей в России жили в дружбе.

Так, Светлана Андронниковна Тарахно, активистка общества «Мемориал», рассказала о своей семье, соединившей кубанских казаков и армян: ее муж – казак, сын казачьего атамана из станицы Гостагаевской, а сама она – армянка.

А заместитель руководителя корейского общества «Чин-сен "Дружба"» Надежда Петровна Ткаченко поделилась историей своей многонациональной семьи и сказала, что не может определить, какой она национальности, потому что ее мать – кореянка, отец – русский. Дочь Надежды Петровны вышла замуж за армянина. Работники ЗАГСа заметили, как удивительно сочетаются армянская фамилия, украинское имя и русское отчество ее дочери – Татасьян Оксана Ивановна.

Как итог «круглого стола» прозвучало выступление президента национально-культурной автономии корейцев Юрия Павловича Эма (его родители были репрессированы). «Очень приятно, – сказал он, – что в зале много молодых людей, что они с интересом воспринимают все выступления. В истории главное, что справедливость восторжествовала. Мы должны сохранить то благополучное равновесие отношений, которое достигнуто у нас сейчас».

В настоящее время в Новороссийске проходит общественная кампания по сбору средств на «Народный памятник жертвам репрессий». Организаторы «круглого стола» с радостью восприняли намерение депутата Законодательного собрания Краснодарского края Юрия Павловича Ковалюка оказать содействие в сборе средств на памятник.

Наталья ТЕРЕНТЬЕВА

От редакции. Информация по затронутым проблемам постоянно публикуется в информационно-аналитическом СМИ «Мемориала» «Кавказский узел» – www.kavkaz.memo.ru

ЧУДО-ДОКТОР

Семь лет провел в тайшетских лагерях доктор Николай Дмитриевич Флоренский.

Его имя произносится в Сибири с благоговением.

Моя бабушка во время войны жила в глуши, в 60 километрах от Тайшета. В диком краю не было и признаков цивилизации. Сразу же после войны тайгу разбудили стук топоров, лай сторожевых собак, крики охранников и заключенных. Так начиналось строительство трассы Тайшет–Братск. В гигантский водоворот строительства были втянуты жители окрестных деревень.

Болезни выкашивали целые улицы и даже селения. Крестьянам этих мест повезло, что среди зэков было много профессоров медицины, специалистов самого высокого уровня.

Бабушка была молодой и несмышленой. У нее сильно болели ноги. Как оказалось позже, вызвано это было отложением солей в суставах. На счастье, ей встретился Николай Дмитриевич. Он посоветовал молодке следующий способ избавления от болезни: нужно хорошо одеться, особенно уделить внимание ногам, пойти к реке и, разбив лед, подержать ноги в воде сколько есть терпения. Потом тепло обуться в валенки и разогреться, побегав вдоль реки минут 5–7. Назавтра повторить процедуру, но ноги в воде нужно подержать чуть-чуть дольше, и так каждый день, увеличивая продолжительность ледяной ванны и пробежек вдоль замерзающей реки. Контрастные ванны избавили бабушку от недуга, и она хранит благодарность удивительному доктору, вспоминая, как он своими советами и уникальными операциями спас тысячи вольных людей и заключенных.

И мне довелось воспользоваться помощью известных медицинских светил. В 1954 году на меня, двухлетнего малыша, упала ставня с крыши, и жизнь висела на волоске. Спасение пришло от лагерных врачей. Моментально вызвали «клужанку» (железнодорожную мотодрезину), и меня транспортировали в Новочунку, где в лагерной больнице было много кремлевских медицинских звезд. Они поставили меня на ноги и здоровеньким возвратили родителям. Среди всех профессоров на трассе, а там работали чудо-доктора из Японии, Германии, Советского Союза, выделялся Н.Д.Флоренский.

Уже лет 10 я переписываюсь с его супругой Натальей Ефимовной Флоренской и получил от нее уникальный архив, содержащий письма и фотографии.

За сухими фактами биографии Николая Дмитриевича угадывается огромный жизненный путь. Государство снисходительно одаривало необыкновенного доктора наградами и званиями, потом карало, потом снова одаривало.

Николай Дмитриевич родился в 1893 году. Окончив Костромскую духовную семинарию, поступил в Московский государственный университет на медицинский факультет. На его долю выпало участие в Гражданской и Отечественной войнах, он перенес тиф, ранения, плен, участвовал и в партизанской войне, снова был плен, затем лагерь. Судьба помотала его по городам и весям страны: Иваново, г. Кохма (1923–1927), Ленинград (1928–1929), плен под Вязьмой (1941), Копенгаген (1945–1946), лагерная жизнь в Ленинабадской области (1946–1948) и в Тайшетлаге–Озерлаге (1949–1955).

После всего перенесенного Н.Д.Флоренский стал профессором, доктором наук, причем самые значительные научные открытия родились в неволе. Конечно, все знают изобретение доктора Илизарова из Кургана, применяемое при переломах. Знаменитый прыгун в высоту Валерий Брумель восстановил свою сломанную ногу у провинциального доктора.

А между тем Н.Д.Флоренский еще в лагере предложил новый метод сращивания переломов кости. Свой сжимающий прибор он назвал «ретрактор», а операцию – «компрессионный остеосинтез». Прибор представлял собой две скобы, спицы для скелетного вытяжения и набор винтов, при помощи которых производятся манипуляции. Вначале проводилось растяжение, чтобы установить сломанные кости в правильном положении. Затем их надо сжать и зафиксировать.

Флоренскому помогли довести до кондиции прибор его же пациенты: конструктор Акимов, гальваник Кассандров и инженер-механик Багаутдинов. Все это было на Центральном авторемонтном заводе (ЦАРМЗе) в Тайшете. Вот как вспоминает работу над прибором узбек Сафич Багаутдинов, ныне живущий в Казани. «Однажды Николай Дмитриевич говорит: "Ребята, вы инженеры! Неужели не сможете придумать железяки для лечения переломов, а я вам расскажу идею". Сколько мы их переделали, – не помню, так как некоторые Николай Дмитриевич браковал еще до хромирования.

Испытать конструкцию на заводе не получилось, но в лазарете Озерлага удалась первая попытка. У 65-летней женщины неправильно срослась нога, и она уже год не могла ходить. Н.Д. сломал ей ногу в месте старого перелома и после соответствующей обработки наложил ретрактор и лангет. Через 3–4 дня женщина уже начала ходить с костылем, а через 10 дней – с палочкой. Так, летом 1952 года в Озерлаге родился ретрактор.

Мы сумели отправить описание метода и прибора с пакетом в Москву. Ответ был положительный, но напечатать работу не смогли, ведь автор – политзаключенный. Н.Д.Флоренский очень переживал». Он умер в 1979 году.

У меня такое впечатление, что я знал его лично, пожимал его тонкую, чувствительную руку.

После выхода в свет книги Б.Дьякова «Повесть о пережитом» и упоминании о Н.Д.Флоренском в Иваново с разных сторон посыпались письма-благодарности от спасенных людей и коллег. Наталья Ефимовна прислала мне большую часть писем, и я связался с людьми, разбросанными по всей стране. Удивительный доктор своей добротой одарил и меня, его «рекомендации оттуда» позволили открыть многие тайны Озерлага, ведь найти в 1980-е годы бывших зэков Тайшета представлялось невозможным.

Из писем Н.Д.Флоренскому

Уважаемый Николай Дмитриевич!

Может быть, Вы помните, в 1951 году привезли с пятого лагпункта прораба А.Богородских с перитонитом аппендикса и сразу же на стол. После операции меня положили в «безнадежную». Врачи говорили: «Этот не выживет». Как было обидно – хоронят заживо. Но Вы боролись за мою жизнь, и вот я жив.

Повесть Дьякова меня так взволновала, я несколько дней не находил себе места. А именно то, что он писал, – это сотая часть моих мучений в лагерях (из них 4 года в Озерлаге). И в конце концов оказалось, что я не совершил никакого преступления. Мне сейчас 56 лет, я работаю главным лесничим лесхоза в Читинской области, в городе Шилка.

2 ноября 1964 г.
А.Богородских

* * *

Дорогой Николай Дмитриевич!

Неожиданную радость мне представила статья М.Чернова в «Литературной газете» от 15.09.1964 г., где сообщается, что Вы живы и еще работаете профессором в мединституте. Это значит, что воспитываете не только высококвалифицированных, но и благородных врачей, каким Вы являетесь.

В лагере Вы трижды спасли мою жизнь, вытаскивая с того света... Простите, дорогой Н.Д., что отвлекаю Ваше время. Как-то совесть, человечность призывают написать некоторые подробности. Как мне хочется пожать Вам руку и обнять и как родного расцеловать крепко-крепко.

Мне кажется, что нам, озерлаговцам, должны были предоставить возможность встретиться. Жалко, что писатель Б.Дьяков редактировал свой материал в ленинградском журнале. Я бы ему мог сообщить, как работали так, что фуфайка была вся мокрая, а, когда возвращались в колонну, верхний бушлат был покрыт льдом. В бараке одежду бросали у печки и заваливались на нары мертвецами. Трижды меня выписывали в пересыльный барак, а оттуда на работы в лес и на кладбище, где в мерзлом грунте «оформляли» 4–5 могил в день. Много было пережито в озерлаговском «санатории».

22.10.1964. С.Фурман

* * *

Дорогой Н.Д., спаситель моей жизни!

Думаю, Вы фамилию мою не забыли, потому что Вы за мою жизнь переживали, пожалуй, больше, чем я.

Вы мне делали операцию в 1953 г. в Тайшете на ЦАРМЗе, а после операции сидели 15 суток около меня, у меня был вес 35 кг. Никто не соглашался делать операцию. Сложная операция прошла благополучно, все неверующие были посрамлены. На 13-й день сняли швы. Я стал подниматься. Вы еще смеялись, говорили: «Смотрите, чудо! Синицын пол подметает».

Живу на воле с 1954 г., чувствую себя очень хорошо. Поздравляю Вас с защитой диссертации.

22.11.1964.
Иван Синицын. г. Красноярск

Подобных писем в моем архиве достаточно: есть автограф комкора А.И.Тодорского, множество посланий от собратьев по лагерю. К сожалению, открыв повестью А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» лагерную тему в советской литературе, КПСС тут же ее и похоронила на долгие годы. Огромное количество свидетельств бывших зэков, только что покинувших лагеря, кануло в Лету.

После освобождения Флоренский возвратился в Иваново, к 70 годам защитил докторскую. Он начал разрабатывать ретракторы для исправления позвоночника.

За всю свою жизнь Николай Дмитриевич сделал около 30 000 операций, причем не был узким специалистом в одной области, свободно оперировал в области общей хирургии, нейрохирургии, гинекологии, ортопедии, был специалистом по вопросам переливания крови.

Под стать ему и супруга – Наталья Ефимовна Флоренская – тоже врач и человек редкой души.

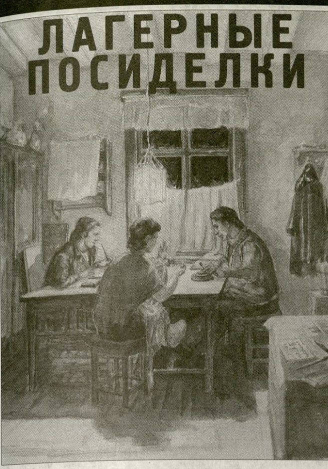
С Николаем Дмитриевичем я встретилась в плену в марте 1943 г., и с этого времени я отсчитываю продолжительность нашего исключительно прочного, основанного на взаимной любви и уважении союза. Наш союз не укладывается в рамки понятий обычных взаимоотношений. Разница в возрасте у нас 26 лет, но, как говорится, дай Бог, чтобы люди молодого возраста испытывали в семейной жизни подобную гармонию, как было у нас. У Н.Д. перед войной умерла жена. Сын, окончивший в 1941 г. Ивановский мединститут, погиб на фронте. После моего освобождения в 1955 г. из Воркуты я не могла не приехать в Тайшет к Н.Д.Флоренскому. Сейчас я живу интересами детей и внуков. Человеку на девятом десятке лет много планировать не приходится. Встретились мне стихи Л.Щипахиной, и они являются моим девизом:

Не для себя деревья
плодоносят,
И реки чистых вод своих
не пьют,
Не просят хлеба для себя
колосья,
Дома не для себя хранят уют...
Себя мы с ними сравнивать
не будем,
Но каждый знает, эту жизнь
любя,
Что чем щедрее отдаешь ты
людям,
Тем радостней живешь
и для себя.

Леонид МУХИН

На фотографиях на с. 6:
Врачи центральной больницы Озерлага. Н.Д.Флоренский во втором ряду в центре. 1951 (1952) г.
Супруги Николай Дмитриевич и Наталья Ефимовна Флоренские. Копенгаген, сентябрь 1945 г.
Фотографии предоставлены автором.

ЛАГЕРНЫЕ ПОСИДЕЛКИ



Эта акварель – воспоминание об уюте дружеских встреч среди нелепостей лагерной жизни и принудительного, бессмысленного труда.

Нарисована она уже после лагеря, в 1953 году, когда я вернулась в Москву под мамину добрую опеку и, снова став студенткой полиграфического института, душою много раз возвращалась к дням только что минувшим, к жизни за колючей проволокой, где остались мои друзья.

Дружба с Ниной Боллс и Ольгой Смирновой в течение двух лет (с 1949 по 1951 год) была и случайной, поскольку я оказалась с ними на одном лагпункте, и неслучайной, ибо люди одного круга, как правило, друг друга находят. Вообще-то обитатели изолированного маленького мира легко сходятся, особенно быстро знакомства проходят в зоне, где работают те, кого лагерь использует для своих хозяйственных нужд. В формулярах эти заключенные имеют квалификацию специалистов, в обиходе же их называют «придурками», так как они избавлены от непосильного труда на общих работах (на нашем ОЛП – отдельном лагерном пункте – женщины работали лесорубами).

Нина была фельдшером в санчасти и вела приемы больных утром и днем, Ольга работала заведующей каптеркой – отвечала за личные вещи заключенных (ей, правда, приходилось работать и вечерами), а я была помощником начальника КВЧ (культурно-воспитательной части). Воспитательная работа в лагере, как это было уже десятилетиями заведено, предполагает наличие наглядной агитации, призывов к ударному труду. Поэтому помощником начальника обычно брали художника – плакаты писать, копии картин для клуба рисовать, участвовать в оформлении самодеятельных спектаклей. Все это мне и довелось выполнять: пригодился опыт учебы в Московском полиграфическом институте. Кроме того, было много рутинной работы: письма по баракам разносить, сочинять отчеты о воспитательной работе, иногда писать кому-то прошение о помиловании или нечто подобное. Однако культурные нужды работяг, ходивших в КПЧ «культуру хавать» (на местном жаргоне), заканчивались достаточно рано, так как будили всех ни свет ни заря, и, чтобы хоть немного выспаться, лесорубы старались ложиться спать по возможности пораньше.

Поэтому нам, «придуркам», для общения оставались поздние вечера, и наши дружеские посиделки постепенно вошли в приятную привычку и даже потребность. Начиналось все с новостей. Фонтан лагерных тем из цикла «нарочно не придумаешь» не иссякал никогда. Часто по вечерам обсуждались новости с воли или от друзей с других лагпунктов, получаемые с оказией. А потом на этих вечерах зазвучали стихи, и наши встречи стали поистине источником радости и высоких, совсем не лагерных тем.

Этот сохранившийся рисунок воспроизводит один из зимних вечеров в КВЧ, к обустройству которой я приложила в свое время достаточно труда и изобретательности. В центре небольшой комнаты – два стола. Один справа – мой рабочий, за ним с книгой и папиросой в руке сидит Ольга. Я за столом начальницы, с кисточкой почему-то в левой руке, на мне синий производственный халат, необходимый при работе с красками и большими щитами для зоны. Справа сундук, изготовленный по велению начальницы, вольнонаемной, маленькой кривобокой женки какого-то охранника (ее рабочий день давно закончился). В сундуке хранился театральный реквизит. На нем лежат незаконченные таблички с надписями, наверное, по технике безопасности для лесорубов. За моей спиной шкаф, в нем всякого рода бумажки: отчеты, соцобязательства и – не помню уж точно – какая-то еще мура. На полке рядом со шкафом стоят мои банки с плакатной гуашью, прикрытые занавеской для «уюта». Нина со своим шитьем сидит спиной к зрителю, на ней теплый оренбургский платок и валенки. В помещении не слишком тепло, по полу дует, ведь печка (ее не видно) топилась только в первой половине дня. Печка занимала важное место в нашей жизни, об этом свидетельствуют распиханные везде дрова: под столом, под топчаном и даже на шкафу. Для сохранения тепла висит одеяло на двери, за ней холодный тамбур, общий с бараком. Важная часть «интерьера» комнаты – самодельный «китайский» абажур. К сожалению, в акварели он не очень хорошо изображен. В действительности он выглядел эффектно: был придуман и склеен трехгранный бумажный каркас, со стенками из полупрозрачной кальки, на кальке картинки с китайскими мотивами.

Быть может, память так ярко сохранила тот интерьер и воспоминания о наших теплых вечерах потому, что оборвалось все внезапно и навсегда: наш лагпункт понадобился для другого контингента заключенных. Прибыл откуда-то большой этап уголовников, размещенный вначале на смешанном участке (там располагались вместе мужская и женская зоны). Уголовники со своим вожаком (кажется, по фамилии Белоцерковский) учинили разгром: выгнали охрану из зоны, казнили каких-то провинившихся урок, изнасиловали женщин из обслуги и в конце концов потребовали разместить их всех вместе в отдельной зоне. Требование было решено выполнить, а наш женский ОЛП ликвидировать, разбросав зэчек по другим лагпунктам. Нас быстренько погнали на этап, дав на сборы не более суток – обычная лагерная практика.

Ни Нину, ни Ольгу я больше в лагере не видела. Я освободилась в 1953-м, раньше, чем они, какое-то время мы переписывались, пока они тоже не разъехались по домам. Наша заботливая умница Нина Павловна вернулась в свою Одессу, закончила мединститут, вышла замуж за коллегу, родила двух дочерей. Последний раз мы виделись у нее в 1968 году, ровно через год она умерла от рака.

Ольга сейчас живет в Москве, но в очень далеком от меня «спальном районе». Сегодня это один из светлых уголков моего не очень обширного дружеского общения. Мы видимся нечасто, обычно я приезжаю к ним, навещаю их дружный женский коллектив (бабушка, мама, внучка).

Но... вокруг уже другой театр и другие пьесы.

Ирина ФЕДОРОВА

От редакции

Музей «Мемориала» получил копию этой акварели, позднее Ирина Фоминична передаст и ее оригинал.

Комплектация музейного фонда проводится за счет частных пожертвований. Сотрудники музея и его посетители всегда рады видеть новые поступления и будут благодарны тем, кто сочтет возможным передать их в дар музею.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

АБВЕР-СМЕРШ

Дело № 1091 УМГБ Московской обл.- по обвинению- СТЕФАНОВСКОГО Павла Петровича 1918 г.р.,ур. гор.Кисловодска,из служащих, русского,гр.СССР,беспартийного.

СТЕФАНОВСКОГО Павла Петровича за шпионскую деятельность и антисоветскую агитацию,заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет,считая срок с 3 декабря 1949 г.

Отметка в ОСК произведена „8" VII 1950 г.

П.Д.Воронкин. Портрет П.П.Стефановского. Джезказган, 1955 г.

Павел Петрович Стефановский подарил библиотеке «Мемориала» авторский экземпляр своей книги – первой из трилогии «Развороты судьбы», посвященной значительному периоду советской истории. Значительному не столько по продолжительности, сколько по концентрации событий. В непростую судьбу автора крепко вплелись нити этих событий, оставив в его биографии трагический след.

П.П.Стефановский родился в 1918 году в Кисловодске. Его отец, Петр Васильевич Стефановский, протоиерей, настоятель кисловодского Кафедрального собора, в 1927 году был репрессирован и скончался в ссылке в городе Чарджоу в конце 1920-х годов (точная дата смерти неизвестна).

Мать, врач по специальности, во время войны работала в медсанбате и погибла во время бомбежки Сталинграда в 1942 году.

В 1934 году Стефановский был принят в театральное училище В.Э.Мейерхольда, но в силу того, что при училище не было общежития – Павел был «иногородний», – с учебой пришлось распрощаться. Однако юноша не унывал, он успешно сдал экзамены в лесотехнический техникум, который по объему знаний, высокому уровню подготовки студентов и квалификации преподавательского состава вполне мог быть приравнен к институту. После окончания техникума П.Стефановский с 1938 по 1939 год работал старшим лесотехником Управления Юго-Восточного лагеря НКВД.

В 1940 году Павел был призван в армию, и, можно сказать, с этого и начала разматываться цепь трагических, иногда забавных, а порой мистических событий, которых хватило бы не на одну человеческую жизнь.

В первой книге трилогии, охватившей 1937–1945 годы, автор описывает службу в армии, участие в Великой Отечественной войне, плен, учебу в разведшколе Абвера в Польше, Эстонии, Финляндии, работу в отделе контрразведки СМЕРШа, радиоигру СМЕРШ–Абвер. Завершается первая книга главой «Демобилизация».

Уже в печати вторая книга «КГБ–ГУЛАГ» о событиях 1945–1955 годов (выйдет в начале мае этого года) и в проекте последняя, завершающая трилогию, книга «Москва», рассказывающая о событиях, разворачивающихся во второй половине XX века.

Способность к творчеству в самом широком смысле слова и сделала жизнь автора интересной и содержательной.

Тяга к искусству сопровождала Стефановского всю жизнь. В какие бы края ни забрасывала его судьба и какие бы испытания ни выпадали на его долю, природный артистизм выручал его в самых разных, порой невероятных обстоятельствах. И если организация в 1940 году хора из роты радистов была достаточно обычным явлением – художественная самодеятельность в те годы приветствовалась и в школах, и на производстве, и, конечно, в армии, то организация самодеятельности в лагере военнопленных и даже в школе Абвера – такое не каждому под силу. Активность жизненной позиции помогала Стефановскому в самых безвыходных ситуациях.

Павел Петрович Стефановский в свои 85 лет сохранил удивительную ясность ума, редкий оптимизм и восторженное отношение к жизни.

Теперь, уже будучи пенсионером (общий стаж работы у Павла Петровича – 56 лет), он решил поделиться своими воспоминаниями. В первой книге много такого, что заставляет читателя вспомнить военные приключенческие романы 1960-х – середины 1970-х годов. Но в отличие от выдуманных приключений выдуманных героев, события, описанные в книге, подлинные, подтвержденные документально, и их участник и очевидец, надеемся, вскоре познакомит читателя с продолжением, в котором будет и арест в 1949 году, и 25 лет ИТЛ по решению ОСО КГБ (из них 6 лет Стефановский провел вместе с Солженицыным), и многое, многое другое...

Тамара ТУР

АРХИВ

БОТИКИ РЕЗИНОВЫЕ ДАМСКИЕ...

В архив «Мемориала» попадают документы самые разные по содержанию: мемуары бывших политзаключенных ГУЛАГа, архивные справки, дневники, письма, фотографии и многое, многое другое. Среди них попался уникальный документ – доверенность, написанная Марией Николаевной Толмачевой в лагере в 1937 году и заверенная помощником начальника управления НКВД Темлага.

Эту доверенность в наш архив передала ее племянница, Нина Францевна Колкунова.

История семьи Толмачевых, на чью долю выпали тяжкие испытания, похожа на десятки тысяч подобных историй.

Александр Николаевич Толмачев (1889 года рождения), начальник артиллерийского управления РККА, арестован 29 мая 1937 года в Москве. Умер в Лефортовской тюрьме 4 июня 1937 года от паралича сердца. Реабилитирован 4 сентября 1956 года.

Его жена, Мария Николаевна Толмачева (1891 года рождения), декан историко-филологического факультета МГУ, была арестована 16 августа 1937 года.

10 августа 1937 года, то есть уже после смерти Александра Николаевича (о чем Мария Николаевна не знала), ее вызвали в НКВД и предложили отказаться от мужа – «врага народа». Но она не выполнила этого требования, и через несколько дней ее арестовали, а 12-летнюю дочь Варю и сына Леву, ему было 14, после ареста матери направили в детприемник, где детей «врага народа» должны были воспитать достойными гражданами своей Родины.

С большим трудом Анне Николаевне Ликиной (родной сестре Марии Николаевны) удалось добиться разрешения взять детей на воспитание.

Лева вскоре поступил в военное училище, а когда началась война, добровольцем ушел на фронт. В 1944 году он погиб под Днепропетровском.

Варюша обрела у тетки новую семью. Окончив медицинский институт, работала заместителем главного врача в московской Басманной больнице. Многие годы Варвара Александровна была депутатом Бауманского райсовета.

Но все это будет позже.

А в 1937-м...

Мария Николаевна была осуждена 28 августа (меньше чем через две недели после ареста) и приговорена к пяти годам ИТЛ. Срок отбывала в Темлаге (Зубово-Полянский р-н Мордовской АССР). Ее вина, как и вина тысяч жен осужденных, была лишь в том, что она ЧСИР – член семьи «изменника родины».

М.Н.Толмачева с детьми Варей и Левой на даче в Малаховке. 1937 г.

После того как разрешили переписку, хоть и редко, но письма от Марии Николаевны стали приходить. Ей писали и родственники, и дети, стараясь весточками с воли облегчить пребывание в лагере.

Вскоре Мария Николаевна стала хлопотать о том, чтобы ее сестра, на чьем иждивении осталась Варя, получила вещи, описанные при аресте (в приговоре не было постановления о конфискации имущества), в надежде, что Анна Николаевна *«может, продав вещи, получить средства на воспитание дочери моей »* (из заявления М.Н.Толмачевой в Прокуратуру СССР).

Для этого она написала доверенность, чудом сохранившуюся до наших дней. Конечно, сам факт конфискации имущества при аресте – обычное явление, но что поражает, так это скрупулезность и жадность, с которой изымалось буквально все, что попадалось на глаза.

Приводим полностью опись, составленную Анной Николаевной Ликиной (сохранены орфография и пунктуация документа).

«Опись вещей, находившихся в квартире Толмачевых (Тишин. пл., д. 6, кв. 27):

1. Рояль Мольбах. 2. Вольтеровское кресло. 3. Зеркало. 4. Диван с мяг. спинкой крас. дерева. 5. Трехугольный столик. 6. Часы стоячие. 7. Сервант. 8. Столовый стол. 9. Комод красного дерева. 10. Гардероб красного дерева. 11. Бюро. 12. 2 стула мягких. 13. Сундук. 14. Консоль и люстра.

Носильны вещи: 1. Пальто дамское деми-сезон. 2. Черное шерстяное платье. 3. Черное шелковое платье. 4. 2 макизет. платья. 5. Туфель дамских 2 пары. 6. Ботики резин. дамские. 7. Белье муж. и дамское. 8. Белье постельное. 9. Белье столовое».

К сожалению, мы не знаем, смогла ли Анна Николаевна получить хоть что-то из вещей, – скорее всего, нет, но горький осадок, который возникает после знакомства с этим документом, надолго останется у любого, кто его прочтет.

А для Марии Николаевны наступил, наконец, долгожданный день – ее освободили. В письме к родственникам она сообщает об этом счастливом событии и спрашивает, может ли она вернуться домой, примут ли ее? Она никого не будет обременять (ей в то время был 51 год), так как может выполнять любую работу. Письмо это родственники получили и тут же написали, что с радостью ждут ее возвращения.

Но... Марии Николаевне этого письма не передали, как не передали и следующего.

Не получив ответа, она решила, что все от нее отказались. 10 октября 1942 года Мария Николаевна умерла. Свободная – в тюрьме.

С 1955 года начнется реабилитация «изменников родины» и их жен и детей, которые долгое время носили клеймо – «враг народа».

Но многие из них, как муж и жена Толмачевы, до реабилитации не дожили.

Архивные материалы подготовила к публикации Галина БУВИНА

МАЙСКИЕ ХРОНИКИ

1918. 25 мая
Началось восстание Чехословацкого корпуса, в результате которого советская власть пала на огромной территории от Поволжья до Дальнего Востока. Начало широкомасштабной Гражданской войны в России.

28 мая
Армения, Грузия, Азербайджан провозгласили себя суверенными республиками.

1928. Май
В Москве издан сборник Осипа Мандельштама «Стихотворения» – последняя книга, вышедшая при жизни великого поэта, погибшего в ГУЛАГе.

1933. 8 мая
ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили постановление («Всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры»), по которому прекращались массовые выселения крестьян, продолжавшиеся три года, «упорядочивалась» процедура арестов – их отныне могли осуществлять только работники правоохранительных ведомств, а не партийно-советские чрезвычайные структуры, созданные для раскулачивания. Постановлением определялась максимальная численность лиц, содержащихся в местах предварительного заключения всего СССР – 400 000 человек.

1938. 10 мая
Создан Воркутинский ИТЛ – один из крупнейший лагерей ГУЛАГа – для строительства шахт и угледобычи на севере Европейской части страны. (Максимальная численность заключенных – 73 тыс.)

12 мая
В Москве родился Андрей Алексеевич Амальрик – историк, публицист, драматург. Автор эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», первый диссидент, который стал открыто общаться с иностранными журналистами и дипломатами в Москве, передавая им информацию о борьбе за права человека в Советском Союзе.

22 мая

Нет таких преград, которых-бы ударники БАМА'а не смогли преодолеть под руководством большевиков-чекистов

На базе Бамлага создано Железнодорожное строительное управление НКВД на Дальнем Востоке. Входившие в него восемь ИТЛ (общая максимальная численность до 250 тыс. заключенных) более трех лет (до начала Великой Отечественной войны) осуществляли под руководством ветерана НКВД Н.А.Френкеля **строительство Байкало-Амурской магистрали** от Тайшета до берегов Тихого океана.

1943. 15 мая
Исполнительный комитет Коминтерна (международной организации, объединявшей с 1919 года коммунистические партии многих стран) объявил о самороспуске. Этот шаг должен был продемонстрировать западным союзникам Сталина его отказ от коммунистической экспансии.

1948. 14 мая
Провозглашено государство Израиль. Начало арабо-израильской войны. СССР оказывал Израилю помощь, в том числе вооружением. Вскоре, однако, взаимоотношения резко ухудшились, и в Советском Союзе начались репрессии против «израильских шпионов».

1953. 29 мая
Начало волнений в Горлаге (Норильск), вскоре переросшее в восстание заключенных. За ним последовали восстания в других особых (политических) лагерях. Непосредственным поводом к волнению в Горлаге послужило убийство охранником нескольких заключенных, вызвавшее массовую забастовку, перешедшую в восстание.

1958. 5 мая
В закрытом заседании Волынского областного суда за «контрреволюционную агитацию» приговорен к 10 годам лишения свободы **Данило ШУМУК** – ветеран украинского национального движения (всего провел в заключении более 40 лет).

1968. 13 мая
Кульминация «Майской революции» во Франции – 9-миллионная всеобщая забастовка рабочих в поддержку бунтующих парижских студентов.

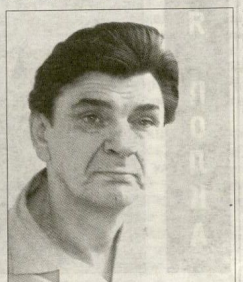
1973. 27 мая
СССР присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве. Функция защиты авторских прав советских литераторов (за границей) перешла к ВААПу (Всесоюзному агентству авторских прав). Это обстоятельство в дальнейшем иногда трактовалось властями как правовое обоснование запрета публикаций произведений советских авторов за рубежом без санкции ВААПа, претендовавшего на монополию «торговли» авторскими правами.

«Поскольку ваше агентство намерено само определять когда, где и на каких условиях издавать то или иное произведение или не издавать его вовсе, то эта правовая особенность агентства должна, очевидно, отразиться в его названии. Предлагаю впредь именовать его не ВААП, а ВАПАП – всесоюзное агентство по присвоению авторских прав».

(Из открытого письма В.Войновича председателю ВААП Б.Д.Панкину. Владимир Войнович. «Путем взаимной переписки». YMCA-PRESS, Paris, 1979)

1978. 18 мая
Московский городской суд вынес приговор основателю и руководителю Московской Хельсинкской группы физику, члену-корреспонденту АН Армянской ССР Юрию Орлову – 7 лет лагеря и 5 лет ссылки за «антисоветскую агитацию и пропаганду». В 1986 г. после почти девяти лет неволи он был выслан из СССР и лишен советского гражданства.

29 мая



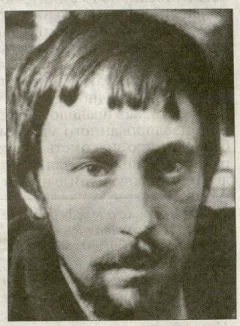
В Москве умер писатель, многолетний узник ГУЛАГа **Юрий Осипович ДОМБРОВСКИЙ**, автор антитоталитарных философских романов «Хранитель древностей» (1964 г., издан в СССР) и «Факультет ненужных вещей» (1977 г., издан в Париже).

1983. 6 мая
Верховный суд Литовской ССР осудил по ст. 68 ч. 1. УК Литовской ССР (аналог ст. 70 ч.1 УК РСФСР) к 7 годам лагерей и 3 годам ссылки Альфонсаса Сваринскаса – священника Литовской католической церкви, участника послевоенного сопротивления, борца за права верующих, сотрудника «Хроники Литовской Католической Церкви», одного из инициаторов и учредителей Католического комитета по защите прав верующих.

13 мая
Московским городским судом за «антисоветскую агитацию и пропаганду» к 6 годам колонии строгого режима и четырем годам ссылки приговорен Алексей Олегович Смирнов – инженер, правозащитник, редактор самиздатского периодика. В тот же день к 3 годам лагерей строгого режима городской суд г. Ферганы приговорил Юрия (Юсуфа) Османова – физика, одного из лидеров крымско-татарского движения, руководителя Ферганской инициативной группы.

1983. 19 мая
Мосгорсудом на десять лет лагеря особого режима и пять лет ссылки осужден писатель, бывший политзаключенный Леонид Бородин, ныне один из идеологов русского «почвенничества», главный редактор литературного журнала «Москва».

24 мая
Ленинградским городским судом за «антисоветскую агитацию и пропаганду» на пять лет лагерей и четыре года ссылки осужден **Лев Яковлевич ВОЛОХОНСКИЙ** – геолог, один из организаторов первого в СССР независимого профсоюза.



1988. 7–9 мая
В Москве на частных квартирах (последнее заседание – на железнодорожной платформе) состоялся учредительный съезд партии «Демократический союз» – первой полулегальной некоммунистической политической организации в России. Был избран оргкомитет из 14 человек (среди них – В.Новодворская и В.Жириновский), принята программа ДС, предусматривающая ненасильственное изменение существующего в СССР строя.

15 мая
Начало вывода советских войск из Афганистана. Войска были введены в декабре 1979 года по просьбе президента Афганистана Х.Амина. В ходе этой «военной операции» Амин был убит. Президентом стал советский ставленник Бабрак Кармаль.

1993. 1 мая
Массовая антиправительственная демонстрация в Москве, столкновения демонстрантов с милицией и внутренними войсками привели к жертвам с обеих сторон.

Иллюстрации предоставлены НИПЦ «Мемориал» (Москва)

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», Историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Московский Мемориал», Московское объединение лиц, пострадавших от политических репрессий

Газета издается Информационным агентством Мемо.Ру при поддержке Института «Открытое общество», Национального Фонда в Поддержку Демократии (NED), США Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12. «Мемориал»
Тел: (095)299–6478
Факс: (095)973–2094
E-mail: gazeta@memo.ru

Номер готовили: Б.И.Беленкин, В.О.Дунаева, Д.И.Зубарев, А.Г.Козлова, Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский.

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Т.А.Крутицкая
Литературный редактор В.М.Герлин
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик Л.С.Бахурина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77–1783 от 29.02.2000. Газета выходит раз в месяц. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Апрель 2003. Отпечатано в ООО КОММЕРС СИТИ. 129041, Москва, ул. Пантелеевская, д. 14, стр. 1 . Тираж – 5000 экз.

Сита,Смоленск, Снежинск, Соловки, Сосногорск, Ставрополь, Струги, Сургут, Сусуман, Сыктывкар, Сысерть, Тайшет, Тамбов, Тверь, Терновка и т.д. Газета поступает во все областные библиотеки РФ. Распространяется бесплатно